

ДМИТРИЙ КРУПАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СУМРАК И БЕЗДНА

18+

Дмитрий Крупан
Сумрак и Бездна

«Автор»

2026

Крупан Д.

Сумрак и Бездна / Д. Крупан — «Автор», 2026

Саня по прозвищу Хантер никогда не считал себя героем. Обычный автомеханик с окраины, привыкший решать проблемы гаечным ключом, крепким словом и упрямством, однажды находит в багажнике разбитой машины странный амулет. С этой минуты привычный мир трещит по швам. Вместо гаража, долгов и прокуренной квартиры Саня оказывается в Сумраке — мёртвой земле вечного заката, где кладбища тянутся до горизонта, деревья похожи на высохшие кости, а туман шепчет голосами тех, кто давно исчез. Здесь не действуют привычные законы, мёртвые не всегда мертвы, а за каждым путником может охотиться нечто, умеющее носить человеческое лицо. Чтобы вернуться домой, Хантеру придётся пройти через мир, где ведьмы проводят кровавые обряды, древние склепы скрывают живые тайны, а Бездна смотрит в душу каждому, кто подходит слишком близко. Но чем дальше Саня идёт по Сумраку, тем яснее понимает: его появление здесь не случайность.

© Крупан Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть первая. Гаражная ночь.	6
Глава 2. Машина со штрафстоянки	18
Глава 3. Дым чёрного цвета	37
Глава 4. Не тот рассвет	51
Глава 5. Могилы без имён	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Дмитрий Крупан

Сумрак и Бездна

Глава

Название: Сумрак и бездна
Автор(-ы): Дмитрий Крупан

Часть первая. Гаражная ночь.

Глава 1. Человек из третьего бокса

Саня Хантер не любил утро. Не потому, что был романтиком ночи, не потому, что пил до рассвета и не потому, что в темноте ему жилось спокойнее. Всё было проще: утро каждый раз напоминало, что вчерашние проблемы никуда не делись. Они просто постояли ночь в углу, покурили, остыли и снова полезли к нему с протянутыми руками.

Будильник на телефоне завыл в семь сорок пять.

Саня нащупал его под подушкой, ткнул пальцем куда-то не туда, попал в экран, промахнулся, выругался и только с третьего раза заставил эту сволочь заткнуться.

Комната вернулась в тишину.

За окном серел ноябрьский двор. Мокрый, облезлый, с кривыми тополями и кучей мусора у переполненных баков. Из трубы соседнего дома валил пар. Где-то внизу, под окнами, орала сигнализация старой «девятки». Она орала каждый день, как будто машина пыталась сообщить миру о своём горе, но миру было плевать.

Саня лежал на спине и смотрел в потолок.

Потолок был в разводах. Один развод напоминал ржавый гаечный ключ, другой — лицо какого-то унылого мужика с проваленным глазом. Саня давно заметил это лицо. Иногда, особенно после тяжёлой смены, ему казалось, что пятно смотрит на него с укором.

— Чего уставился? — пробормотал он. — Сам бы попробовал пожить.

Пятно ничего не ответило.

Саня сел на старом продавленном диване. Пружина под боком скрипнула так, будто тоже проснулась не в настроении. В комнате пахло пылью, вчерашним табаком и холодным чайником. На полу стояли кроссовки, у стены — пластиковый пакет с грязной рабочей одеждой, рядом — электрическая плитка с кастрюлей, в которой позавчера была гречка.

Он снял с табуретки очки, протёр их краем футболки и надел. Мир стал резче, но лучше от этого не сделался.

Комната была съёмная, однокомнатная, с облезлыми обоями и мебелью, которая видела ещё советских детей, первых кооператоров и, возможно, мамонтов. Хозяйка квартиры, тётка по имени Валентина Сергеевна, каждый месяц говорила одно и то же:

— Александр, вы только аккуратнее. Квартира хорошая, я её кому попало не сдаю.

Саня каждый раз смотрел на трещину в стене, на шкаф с перекошенной дверцей, на линолеум, который вспучился у батареи, и хотел спросить: «А кому сдаёте? Потомкам строителей пирамид?» Но молчал. Жить где-то надо было.

Он поднялся, включил чайник. Чайник зашипел, но греться не спешил. Саня стукнул по нему костяшками пальцев.

— Давай, родной, не подводи.

Чайник подумал и всё-таки загудел.

В ванной над раковиной висело зеркало с тёмными пятнами по краям. В нём отразился мужчина лет тридцати пяти, хотя по утрам он выглядел на все сорок пять. Короткие тёмные волосы, жёсткая щетина, усталые глаза за прямоугольными очками. Лицо обычное, городское, не злое, но такое, что лишний раз подходить с вопросами не хотелось.

Саня почесал подбородок.

— Красавец, — сказал он зеркалу. — Девки штабелями, ага.

Он умылся холодной водой, потому что горячая в этом доме появлялась по настроению, а настроение у неё было примерно как у Сани. Потом натянул джинсы, серую футболку, сверху старую тёмно-синюю кофту с вытянутыми рукавами. Рабочий комбез валялся в пакете, но он обычно переодевался уже в гараже.

Телефон мигнул сообщением.

Валентина Сергеевна: *Александр, напоминаю про оплату. Уже пятое число.*

Саня посмотрел на экран, вздохнул и набрал:

Вечером переведу часть.

Потом подумал и добавил:

Остальное на следующей неделе.

Ответ пришёл почти сразу.

Валентина Сергеевна: *Вы так в прошлом месяце говорили.*

— Да ладно, — буркнул Саня. — А ты в прошлом месяце говорила, что кран починишь.

Он не стал отвечать.

Завтрак состоял из чая, двух кусков хлеба и колбасы, которую лучше было не нюхать. Саня съел всё быстро, стоя у окна. Во дворе женщина в розовом пуховике тащила ребёнка в садик. Ребёнок упирался и ревел. Женщина что-то шипела ему на ухо. У мусорки копался мужик с тележкой. На лавочке сидела бабка и кормила голубей так, будто готовила им стратегический запас на войну.

Обычный мир.

Саня сунул телефон в карман, взял с крючка куртку, проверил, есть ли сигареты. В пачке оставалось три штуки.

— Богато живём.

Он вышел из квартиры, захлопнул дверь и спустился по лестнице. Лифт в доме был, но застревал между третьим и четвёртым этажами с такой регулярностью, что Саня считал его не транспортом, а ловушкой для доверчивых.

На улице пахло мокрым асфальтом, бензином и прелой листвой. Небо висело низко, грязно-серое, с просветами, в которых не было ничего обнадеживающего. Саня закурил последнюю нормальную сигарету — две оставшиеся были мятые, на крайний случай — и пошёл к остановке.

До гаражного кооператива можно было доехать на маршрутке за пятнадцать минут, если маршрутчик был трезв, дорога свободна, а вселенная благосклонна. Обычно не совпадало ничего из трёх.

Маршрутка пришла забитая. Саня втиснулся внутрь между мужиком с рюкзаком и женщиной с пакетом, из которого торчали лук и батон. В салоне играло радио, где бодрый ведущий рассказывал, что день будет замечательный.

Саня посмотрел в грязное окно.

— Врёшь ты всё, дружище.

На стекле отражалось его лицо. За ним — утренние улицы: ларьки, остановки, шиномонтажи, аптеки с зелёными крестами, рекламные щиты с улыбающимися людьми. Эти люди на щитах всегда выглядели так, будто знали что-то важное и очень выгодное. Саня им не доверял.

Гаражный кооператив «Луч» находился на окраине, за промзоной, рядом с пустырьём и старой железнодорожной веткой. Название «Луч» ему не подходило. Никакого луча там не было. Были ржавые ворота, бетонный забор с дырками, лужи, облезлая будка охраны и три ряда гаражей, похожих на низкие серые гробы для машин.

Саня работал в третьем боксе у Серёги Беспалова, которого все называли Беспалый не потому, что у него не хватало пальцев, а потому что фамилия такая. Пальцы у Серёги были все на месте, но пользовался он ими в основном для подсчёта денег и тыканья в чужие косяки.

Третий бокс был шире обычного гаража. Внутри помещался подъёмник, два верстака, сварочник, компрессор, шкаф с инструментом, старый диван у стены и вечный запах масла, железа, бензина, пыли и мужской усталости.

Когда Саня подошёл, ворота уже были открыты. Изнутри доносился грохот и голос Беспалого:

— Да не туда крути, мать твою! Это не велосипед!
Саня вошёл.

На подъёмнике висела серебристая «Шкода» с разобранной мордой. Под ней стоял молодой парень в чистой спецовке — Димка, ученик, двадцать лет, глаза честные, руки пока ещё не очень. Беспалый стоял рядом, жевал зубочистку и смотрел на него так, будто размышлял, дорого ли нынче хоронить помощников.

— О, Хантер пришёл, — сказал Серёга. — Сейчас он тебе покажет, как люди работают.

— Угу, — Саня снял куртку. — А ты покажешь, как люди платят зарплату вовремя?

Беспалый скривился.

— Началось.

— А что, закончилось?

— Саня, не выноси мозг с утра.

— Я не выношу. Я напоминаю, что у меня аренда, жратва и сигареты не по талонам.

— Всё будет.

— Это ты мне уже говорил. В прошлую пятницу. И позапрошлую.

Беспалый махнул рукой.

— Машину доделаем — рассчитаюсь.

Саня посмотрел на «Шкоду».

— А если не доделаем?

— Доделаем.

— Ты оптимист, Серёга. Тебя бы в религию.

Димка тихо хмыкнул. Беспалый метнул в него взгляд, и парень снова уткнулся в болт.

Саня переоделся в рабочий комбез. Комбез был чёрно-серый, с пятнами масла, которые уже стали частью ткани. На груди когда-то была нашивка с названием автосервиса, но буквы стёрлись, и теперь там читалось только «...ТОР». Димка однажды сказал, что это судьба: Хантер — охотник. Саня ответил, что охотится он разве что за скидками в магазине и за должниками.

Прозвище «Хантер» к нему прилипло давно, ещё в юности. Не из-за охоты. Однажды он купил на рынке поддельную куртку с огромной надписью **HUNTER** на спине и таскал её года три, пока та не развалилась. Куртка исчезла, прозвище осталось. Люди вообще любят цепляться за всякую ерунду, особенно если она короче паспортного имени.

Работа пошла своим чередом.

Сначала Саня разобрался с «Шкодой». Там после удара повело крепление радиатора, датчик висел на честном слове, а Димка пытался закрутить болт туда, где резьбы уже не было.

— Смотри, — сказал Саня, присев рядом. — Железо, оно как человек. Если его насиловать, оно сопротивляется. Надо понимать, куда оно хочет.

— А если оно не хочет? — спросил Димка.

— Тогда берёшь молоток. Но не сразу. Сначала надо вежливо.

— Железо вежливо?

— Умнее некоторых людей.

Беспалый из угла буркнул:

— Философ хренов.

— А ты не завидуй.

К полудню приехал мужик на чёрном «Форде» с жалобой на стук в подвеске. Стук оказался не в подвеске, а в багажнике: там каталась гантель на десять килограммов. Мужик покраснел, забрал гантель и попытался спорить про диагностику.

— Я же думал, подвеска.

— Думать — отдельно, диагностика — отдельно, — сказал Саня. — С вас тысяча.

— За что?

— За то, что мы нашли ваш спортзал.

Беспалый, конечно, потом сбил до пятисот, потому что боялся потерять клиента. Саня из-за этого полчаса ходил мрачный.

В обед они сидели на диване у стены. Димка ел лапшу быстрого приготовления из пластикового контейнера. Беспалый пил чай с печеньем. Саня жевал бутерброд с колбасой, которую взял из дома, и смотрел на ворота. За воротами моросил дождь, по лужам шла рябь, где-то далеко гудел поезд.

— Сань, — сказал Димка, — а ты почему не откроешь свой сервис?

Саня посмотрел на него поверх очков.

— Потому что я идиот не настолько.

— Да ладно. Ты же всё умеешь.

— Уметь — это полдела. Нужны деньги, помещение, документы, пожарники, налоговая, клиенты, нормальные поставщики, нервы и желание жить среди всего этого цирка.

— Ну зато сам себе хозяин.

Саня усмехнулся.

— Сам себе хозяин — это когда у тебя денег столько, что ты можешь послать всех и уехать на море. А когда ты должен банку, арендодателю, поставщику и троим клиентам, ты не хозяин. Ты раб с печатью ИП.

Беспалый поднял палец.

— Между прочим, я индивидуальный предприниматель.

— Вот я и говорю.

Димка засмеялся. Беспалый сделал вид, что обиделся, но не очень убедительно.

После обеда приехала женщина на красном «Солярисе». Машина дымила так, будто внутри поселился маленький вулкан. Женщина уверяла, что «только вчера всё было нормально», а лампочка на панели «сама загорелась, наверное, глючит». Саня поднял капот, посмотрел, понюхал и сказал:

— Масло когда меняли?

— Недавно.

— Это когда?

— Ну... весной.

— Какой?

Женщина обиделась.

— Вы что, издеваетесь?

— Пока нет.

Он вытащил шуп. На шупе было что-то чёрное и густое, похожее на мазут с обидой на жизнь.

— Вот, — сказал Саня, показывая ей. — Это уже не масло. Это археология.

К вечеру он устал. Спина ныла, пальцы были в мелких порезах, под ногтями чернело масло. День был обычный: грязный, шумный, не самый плохой и не самый хороший. Такой день легко забыть, если бы жизнь состояла из чего-то ещё. Но у Сани таких дней были сотни, и все они складывались в длинную серую полосу.

В шесть Беспалый уехал «по делам». Это означало, что он поехал либо выбивать деньги с клиента, либо прятаться от того, кому сам должен. Димка ушёл раньше — мать звонила, просила купить картошки. Саня остался в боксе один, доделывал «Шкоду».

Радио на полке ловило плохо. Сквозь музыку постоянно пробивался треск. Лампы под потолком гудели. Дождь усилился, бил по крыше гаража мелкой дробью.

Саня затянул последний болт, выпрямился и поморщился. Поясница сказала ему всё, что думала о его профессии.

Он вытер руки ветошью, закурил одну из мятых сигарет и сел на край верстака. Дым поплыл вверх, к лампам. За воротами темнело.

На стене висел календарь с голой девицей и логотипом магазина автозапчастей. Календарь был прошлогодний, но никто его не снимал. Девица улыбалась так, будто в её жизни не существовало ни ржавых болтов, ни аренды, ни просроченных платежей.

Саня достал телефон.

От Валентины Сергеевны было ещё одно сообщение:

Александр, если сегодня не будет перевода, будем разговаривать серьёзно.

Он открыл банковское приложение. На карте — две тысячи триста сорок рублей. До зарплаты — как до луны пешком. Беспалый обещал дать часть завтра. Слово «завтра» в его исполнении имело гибкость резинового шланга.

Саня перевёл хозяйке тысячу пятьсот.

Через минуту пришло:

Это не вся сумма.

Саня набрал:

Знаю.

Потом стёр.

Набрал:

Остальное позже.

Отправил.

Положил телефон рядом. Докурил. Раздавил окурочек в жестяной банке из-под кофе.

— Жизнь удалась, — сказал он пустому боксу.

Пустой бокс ответил гулом ламп.

Саня пошёл к шкафу с инструментами, проверил, всё ли на месте. Эта привычка у него была почти болезненная. Инструмент он уважал больше, чем большинство людей. Люди ввали, кидали, забывали, жаловались. Инструмент, если за ним следить, работал. А если не работал, значит, была причина.

На верхней полке лежал старый набор ключей, который достался ему от отца.

Отец у Сани был человеком молчаливым и тяжёлым. Работал на заводе, потом пил, потом умер так же буднично, как жил: лёг вечером, утром не встал. От него остался набор ключей в металлическом ящике, несколько фотографий и привычка Сани не верить красивым словам.

Саня взял один ключ, на тринадцать, покрутил в пальцах. Рукоять была потёртая, металл тёмный от времени.

— Вот ты живёшь, — сказал он ключу, — и не паришься.

Потом поставил его обратно.

Часов в восемь позвонил Беспалый.

— Хантер, ты там?

— А где мне быть? На Бали?

— Слушай, завтра с утра пригонят одну тачку. Со штрафстоянки. Надо глянуть.

— Что за тачка?

— Не знаю точно. Вроде иномарка какая-то. После аварии.

— Документы есть?

— Какие-то будут.

— Серёга.

— Что?

— Мне не нравится слово «какие-то».

— Да нормальная тема. Человек один попросил. Там работы, может, на пару дней. Деньги сразу.

Саня молчал.

— Сань, ну ты чего? — голос Беспалого стал мягче. — Тебе же деньги нужны.

— Мне много чего нужно. Например, не сесть.

— Да не криминал там. Просто машина долго стояла, хозяина не нашли, надо оценить, можно ли восстановить. Всё официально почти.

— «Официально почти» — это как «беременная немножко».

— Завтра посмотришь. Не понравится — откажемся.

Саня усмехнулся.

— Ты когда-нибудь отказывался от денег?

— Было пару раз. В детстве.

— Ладно. Утром посмотрим.

— Только ты это... задержись завтра, если что. Человек может поздно подъехать.

— Ага. А сегодня ты мне деньги когда отдашь?

На том конце повисла пауза.

— Завтра.

Саня закрыл глаза.

— Конечно.

— Сань, ну не начинай.

— Я не начинаю. Я заканчиваю.

Он сбросил вызов.

Некоторое время он стоял посреди бокса и слушал дождь. Потом пошёл закрывать ворота. Металлические створки скрипнули, когда он потянул их на себя. Снаружи двор кооператива был пустой, только в будке охраны горел жёлтый свет. Старик-сторож Михалыч наверняка сидел там с чайником, газетой и маленьким телевизором, который показывал одно и то же: новости, сериалы и помехи.

Саня уже собирался закрыть ворота, когда заметил в дальнем конце ряда движение.

Мимо гаражей медленно проехал эвакуатор.

Фары резали дождь мутными конусами. На платформе стояла машина, накрытая грязным серым тентом. Тент был примотан верёвками, но ветер всё равно дёргал его края. Под ним угадывался низкий силуэт — длинный капот, разбитая передняя часть, спущенное колесо.

Эвакуатор остановился у ворот кооператива. Из будки вышел Михалыч, поднял воронку, о чём-то поговорил с водителем. Потом эвакуатор пополз дальше, прямо к третьему боксу.

Саня нахмурился.

— Да вы издеваетесь.

Эвакуатор остановился перед ним. Из кабины вылез водитель — толстый мужик в оранжевой жилетке, с мокрой шапкой на голове.

— Третий бокс? — спросил он.

— Он.

— Машину вам.

— Завтра же вроде.

Водитель пожал плечами.

— Мне сказали сегодня. Я привёз. Мне дальше ехать.

— Кто сказал?

— Диспетчер сказал. Мне без разницы.

Саня достал телефон, набрал Беспалого. Тот не ответил. Конечно.

— Документы? — спросил Саня.

Водитель протянул ему папку в прозрачном файле.

— Вот что дали.

Саня открыл. Внутри были какие-то акты, копии, распечатки. Печати, подписи, номера. На первый взгляд не липа, но в такую погоду и при таком свете можно было подсунуть хоть рецепт борща.

— Разгружай, — сказал он наконец. — Только аккуратно.

— Она не на ходу.

— Я вижу.

— Руль клинит.

— Я сказал: аккуратно.

Водитель фыркнул, но спорить не стал.

Пока он возился с платформой, Саня стоял под дождём и смотрел на машину под тентом. Что-то в ней ему не нравилось. Не авария — аварийные машины он видел пачками. Не разбитая морда, не грязь, не спущенное колесо.

Не нравилось ощущение.

Будто под тентом стояла не машина, а вещь, которую кто-то долго держал запертой и теперь наконец привёз туда, где она могла проснуться.

Саня усмехнулся сам себе.

— Стареешь, Хантер. Скоро домовых начнёшь видеть.

Эвакуаторщик снял тент.

Машина оказалась тёмно-зелёным универсалом иностранной марки — старой, но дорогой. Капот смяло гармошкой, левая фара выбита, лобовое стекло треснуло паутиной. На крыше была вмятина, будто сверху ударили чем-то тяжёлым. Но страннее всего выглядели двери: все четыре были закрыты, стёкла целы, а внутри — темнота. Не просто плохо видно из-за дождя, а именно темнота, густая, как будто салон был забит чёрной ватой.

Саня подошёл ближе.

— Ключи есть?

— В замке, — сказал водитель.

— Откуда машину забирал?

— Со старой штрафстоянки, за объездной.

— Долго стояла?

— Не знаю. Я водитель, не следователь.

Саня посветил телефоном в салон. Луч упёрся в стекло, отразился, но внутрь почти не прошёл. Он протёр стекло рукавом. То же самое. Внутри не видно ни сидений, ни руля, ни панели. Только смутный контур водительского кресла.

— Тонировка, что ли? — пробормотал он.

— Не знаю, мужик, — сказал водитель. — Расписывайся, я поехал.

Саня не любил расписываться за то, что не осмотрел. Но дождь лил всё сильнее, Беспалый не брал трубку, а оставить машину посреди двора тоже было нельзя.

Они закатали универсал в бокс. Колёса шли тяжело, одно заднее будто подклинивало. Когда машина пересекла порог гаража, лампы под потолком на секунду мигнули.

Водитель поднял глаза.

— Проводка у вас говно.

— Спасибо за экспертизу.

Эвакуаторщик сунул ему планшет.

— Подпись здесь.

Саня расписался. Водитель забрал документы, оставил копию акта и, не прощаясь, пошёл к эвакуатору. Через минуту фары исчезли за воротами кооператива.

Саня остался в боксе один.

С тёмно-зелёным разбитым универсалом.

Дождь барабанил по крыше. Лампы снова гудели. Радио на полке вдруг зашипело, хотя Саня точно выключил его ещё час назад.

Он повернул голову.

Из динамика донёсся обрывок голоса:

— ...приём... приём... не открывайте...

Саня подошёл и нажал кнопку. Радио умолкло.

— Вот только этого мне не хватало.

Он вернулся к машине. Взял фонарь помощнее, щёлкнул выключателем и направил луч в салон. Теперь стало видно чуть больше. Передние подушки безопасности сработали. На панели трещины. Руль перекошен. Сиденья пустые.

Крови не было.

Вообще ни капли.

Для машины после такой аварии это было странно. Очень странно.

Саня открыл водительскую дверь. Та поддалась не сразу, с сухим хрустом, будто примерзла, хотя на улице был плюс. Из салона пахло холодом.

Не бензином, не сыростью, не пылью.

Холодом.

Таким, какой бывает в подвалах, где давно никто не ходил. Или в старых подъездах зимой, когда выбиты окна. Или у могилы, если стоять слишком долго и думать не о том.

Саня замер на секунду.

Потом сплюнул в сторону.

— Нервы.

Он осмотрел салон. Бардачок пуст. На заднем сиденье валялась детская варежка — маленькая, красная, с белой снежинкой. Под ковриком водительского места лежали осколки стекла, хотя стекло в дверях было целое. В пепельнице — серый пепел, но без окурков.

Саня достал варежку двумя пальцами.

— Весело.

Он положил её на крышу машины.

Потом открыл заднюю дверь. Та скрипнула. Салон будто стал глубже. На мгновение Сане показалось, что заднее сиденье находится не в полутора метрах от него, а где-то далеко, в узком тёмном коридоре.

Он моргнул.

Обычное сиденье. Грязная обивка. Ремень безопасности. Ничего больше.

— Хватит, — сказал он себе. — Просто устал.

Он обошёл машину и попробовал открыть багажник. Крышка не поддалась. Замок щёлкнул, но металл держался. После удара кузов повело.

Саня взял монтировку.

— Ну давай, красавица. Без обид.

Он вставил конец монтировки в щель, надавил. Металл застонал. Раз. Второй. На третий раз крышка багажника резко распахнулась.

Изнутри вырвался густой запах мокрой земли.

Саня отшатнулся.

Багажник был почти пуст. На полу лежал старый чёрный коврик, под ним — куски грязи и сухие листья. В левом углу валялась верёвка. В правом — металлическая канистра без крышки.

А ближе к спинке сиденья лежал предмет, которого там быть не должно.

Небольшой металлический амулет.

Тёмный, почти чёрный, покрытый ржавчиной или чем-то похожим на засохшую кровь. По форме он напоминал раскрытый глаз: овальная рамка, внутри — круглый выступ, похожий на зрачок, а от него тонкие линии, как трещины или ресницы. На поверхности были вырезаны мелкие знаки. Не буквы. Не цифры. Что-то другое.

Саня осветил фонарём.

Амулет тускло блеснул.

В этот момент за его спиной что-то щёлкнуло.

Саня резко обернулся.

Ничего.

Только пустой бокс, верстак, подъёмник, лампы. Радио молчало.

Он снова посмотрел в багажник.

— Ну и что ты такое?

Ответа, понятно, не было.

Саня взял ветошь, обмотал пальцы и поднял амулет. Тот оказался неожиданно тяжёлым. Металл был холодный, почти ледяной. Холод прошёл через тряпку, впился в пальцы. Саня поморщился, но не выпустил.

На обороте амулета была глубокая царапина. Или надпись. Он поднёс ближе к глазам.

Линии складывались в странный узор. Саня не мог его прочитать, но почему-то вдруг почувствовал, что узор смотрит на него. Не изображение глаза — именно узор. Как будто где-то за этим куском металла находилось что-то живое, терпеливое и очень старое.

Ему стало неприятно.

Он положил амулет на верстак.

— Беспалому покажу. Пусть сам разбирается со своим хламом.

Лампа над верстаком мигнула.

Саня поднял взгляд.

— Ну что опять?

Лампа загорелась ровно.

Он закрыл багажник, насколько смог, и отошёл от машины. Нужно было запереть бокс, идти домой, купить по дороге самые дешёвые сигареты и что-нибудь на ужин. Завтра с утра спокойно осмотреть машину, пробить номера, позвонить Беспалому, высказать ему всё культурно и без свидетелей.

План был хороший.

Простой.

Земной.

Саня взял куртку, выключил компрессор, проверил щиток. Потом подошёл к верстаку, чтобы забрать телефон.

Телефон лежал рядом с амулетом.

Экран горел.

На нём было открыто приложение с сообщениями, хотя Саня его не трогал. В строке набора текста мигал курсор.

Саня нахмурился.

На экране сами собой начали появляться буквы.

Сначала одна.

Потом вторая.

Потом слово.

НЕ

Саня замер.

Курсор мигнул.

Появилось следующее слово.

НОСИ

Он резко схватил телефон. Экран погас. В боксе стало тихо.

Саня стоял, сжимая мобильник так, что побелели пальцы.

— Да ну нахрен.

Он включил экран. Никакого сообщения не было. Чат с Валентиной Сергеевной. Последняя фраза: *Остальное позже*. Больше ничего.

Саня посмотрел на амулет.

Тот лежал спокойно. Тёмный кусок металла. Глаз без века.

Он заставил себя выдохнуть.

— Переработал. Вот и всё. Недосып, нервы, долги. Сейчас ещё черти плясать начнут.

Где-то за стеной гаража послышался скрежет.

Саня быстро повернулся. Скрежет повторился — короткий, металлический. Потом ещё раз. Будто кто-то снаружи провёл гвоздём по воротам соседнего бокса.

— Михалыч? — крикнул Саня.

Тишина.

Он взял монтировку и пошёл к воротам. Приоткрыл створку, выглянул.

Двор был пуст. Дождь шёл стеной. Свет из будки охраны едва пробивался сквозь мокрую мглу. В лужах отражались гаражи, лампы и тёмное небо.

Никого.

Саня постоял, прислушиваясь. Только дождь. Только ветер. Где-то далеко — поезд.

Он закрыл ворота.

Когда вернулся к верстаку, амулет лежал уже не так, как раньше.

Он перевернулся.

Саня был уверен, что клал его лицевой стороной вверх. Теперь сверху была обратная сторона с царапиной. Или надписью.

Он медленно подошёл.

Монтировка в руке стала тяжёлой.

— Фокусы показываешь?

Амулет молчал.

Саня наклонился и прочитал царапину. Нет, не прочитал — скорее, понял. Линии не были русскими буквами, но смысл возник в голове сам, как чужая мысль.

СМОТРИ

Саня отшатнулся.

И тут в универсале щёлкнуло радио.

Громко.

Резко.

Салон, мёртвый и пустой, наполнился шипением. Потом из динамиков донёсся голос. Тихий, детский, будто говорил кто-то из-под воды:

— Дядя... вы нас видите?

Саня стоял неподвижно.

Дождь бил по крыше.

Лампы гудели.

В чёрном стекле разбитой машины отражалось его лицо — бледное, злое, растерянное.

А позади его отражения, в глубине гаража, на мгновение мелькнуло багровое небо.

Саня резко обернулся.

Стена была на месте.

Старый шкаф, календарь, верстак, масляные пятна на полу.

Никакого неба.

Он снова посмотрел на машину. Радио молчало.

Саня медленно выдохнул. Потом подошёл к верстаку, взял амулет, сунул его в металлический ящик из-под старых свечей и захлопнул крышку. Сверху поставил тяжёлую головку от сломанного домкрата.

— Полежишь там, глазастый.

Он собрал вещи быстро, не оглядываясь. Запер бокс, дважды проверил замок. Дождь хлестал по лицу, пока он шёл к выходу из кооператива.

У будки охраны сидел Михалыч. В окне мерцал телевизор.

Саня постучал.

Старик открыл форточку.

— Чего тебе, Хантер?

— Ты сейчас никого возле третьего ряда не видел?

— Кроме эвакуатора? Нет.

— А звуки?

— Какие звуки?

Саня посмотрел на него. Михалыч был старый, худой, с лицом, похожим на высохшее яблоко. В глазах — обычная сторожевая усталость.

— Да так. Показалось.

Михалыч прищурился.

— Машинка-то странная.

Саня насторожился.

— Чем?

— Да не знаю. Привезли — собака моя завывала.

— У тебя нет собаки.

— Была, — сказал Михалыч.

Саня нахмурился.

— Когда?

Старик помолчал, будто сам удивился своим словам. Потом махнул рукой.

— Да иди ты домой, Хантер. Поздно уже.

Саня хотел что-то спросить, но передумал. С Михалычем иногда такое бывало. Старик любил мутные фразы, особенно к вечеру.

Он вышел за ворота кооператива и пошёл к остановке.

Дождь не прекращался. Асфальт блестел. Фонари размывались в лужах жёлтыми пятнами. Где-то в промзоне гудел трансформатор. Ветер гнал по дороге мокрые листья.

Саня закурил последнюю мятую сигарету.

Руки немного дрожали.

Он злился на себя за это.

— Ничего там нет, — сказал он вслух. — Машина битая, радио коротит, телефон глючит, а ты, Саня, просто устал как собака.

Слова прозвучали убедительно.

Почти.

На остановке никого не было. Маршрутка пришла через десять минут, пустая, с запотевшими окнами. Саня сел у задней двери, прислонился лбом к стеклу и закрыл глаза.

Перед внутренним взглядом снова вспыхнул амулет.

Чёрный глаз.

Ржавые линии.

Слово, которого не могло быть.

СМОТРИ

Саня открыл глаза.

В стекле маршрутки отражался салон, водитель, ряд пустых сидений.

И за его плечом — едва заметно, на одно мгновение — стоял силуэт маленькой девочки в красной варежке.

Он резко повернулся.

Сиденье позади было пустым.

Маршрутка подпрыгнула на яме. Водитель выругался. Радио тихо играло шансон.

Саня провёл ладонью по лицу.

— Завтра, — сказал он себе. — Завтра разберёмся.

Но в глубине души он уже знал: завтра обычным не будет.

Потому что некоторые вещи, однажды найденные в багажнике чужой машины, уже нельзя просто положить в ящик и придавить железкой.

Они всё равно смотрят.

Глава 2. Машина со штрафстоянки

Ночью Саня спал плохо.

Сначала долго не мог уснуть. Лежал на продавленном диване, смотрел в потолок и слушал, как в батарее булькает вода. За стеной кто-то кашлял. Сверху топал сосед, у которого, судя по звукам, была не квартира, а танковый полигон. На кухне капал кран — тот самый, который Валентина Сергеевна обещала починить ещё в прошлом месяце.

Кап.

Кап.

Кап.

Саня ворочался, натягивал одеяло до подбородка, потом сбрасывал. В комнате было то душно, то холодно. Голова гудела после длинного дня, но стоило закрыть глаза, как в темноте всплывало одно и то же.

Чёрный амулет.

Глаз без века.

И детский голос из мёртвой машины:

— Дядя... вы нас видите?

Саня резко сел на диване.

В комнате было темно. Только из окна падал мутный свет уличного фонаря, ложился на пол косым жёлтым пятном. Тумбочка, стул, пакет с рабочей одеждой — всё на месте. Никаких девочек в красных варежках. Никаких багровых небес. Никакого шёпота.

Он провёл ладонью по лицу.

— Твою мать.

Во рту пересохло. Он встал, прошёл на кухню, налил воды из-под крана. Вода пахла железом. Саня выпил, поморщился.

На столе лежал телефон. Экран был чёрным.

Саня посмотрел на него дольше, чем нужно. Потом взял, разблокировал. Сообщений не было. Чаты обычные: Валентина Сергеевна с её «не вся сумма», Беспалый с пропущенными звонками за прошлую неделю, Димка с каким-то мемом про автосервис, реклама микрозайма.

Никакого «НЕ НОСИ».

Никакого «СМОТРИ».

— Ну вот, — сказал Саня. — Нормальный телефон. Просто хозяин идиот.

Он положил мобильник обратно, но спать не пошёл. Вместо этого открыл форточку и закурил, хотя сигареты закончились. Точнее, осталась одна — самая мятая, с надломленным фильтром. Для таких случаев Саня обычно говорил: «Не сигарета, а ветеран труда».

Дым вышел тяжёлый, горький. Он постоял у окна, глядя во двор.

Ноябрьская ночь была мокрой и пустой. Асфальт блестел. Машины стояли под фонарями, будто брошенные. У мусорных баков копалась кошка, такая худая, что казалась собранной из проволоки и злости. В соседнем подъезде мигнул свет.

Саня сделал затыжку и вдруг вспомнил красную детскую варежку на крыше разбитого универсала.

Маленькая.

С белой снежинкой.

Он не взял её. Оставил в боксе. Или положил обратно? Нет. Точно положил на крышу машины. Потом возился с амулетом, телефоном, воротами. Когда уходил — варежку не забрал.

Почему-то эта мысль неприятно кольнула.

— Да плевать, — сказал он себе. — Варежка и варежка.

Но не плевать.

Он докурил, затушил окурок в пустой банке из-под консервов и всё-таки лёг. Сон пришёл под утро — тяжёлый, липкий, без нормального отдыха.

Приснился ему гараж.

Третий бокс, но не совсем третий. Вроде тот же верстак, тот же подъёмник, тот же календарь с девицей, только всё вытянутое, длинное, будто помещение растянули, как старую резину. Лампы висели высоко, но светили красным. Не ярко — будто сквозь мясо.

В центре стоял тёмно-зелёный универсал.

Целый.

Без разбитой морды, без треснувшего стекла. Полированный, гладкий, мокрый. На капоте лежала детская красная варежка. Саня подошёл ближе и увидел, что из варежки течёт вода.

Нет.

Не вода.

Чёрная жидкость, густая, как старое масло.

Она стекала по капоту, собиралась у решётки радиатора и капала на пол.

Кап.

Кап.

Кап.

Саня хотел повернуться и уйти, но ноги не слушались. Машина вдруг включила фары. Свет ударил ему в лицо — не белый, не жёлтый, а багровый, как закат после пожара.

Изнутри машины кто-то постучал в стекло.

Один раз.

Второй.

Третий.

На заднем сиденье сидела девочка лет семи. Лица у неё не было видно — только тёмные волосы, мокрые, прилипшие к щекам. На одной руке была красная варежка. Другая рука была голая, синеватая от холода.

Она подняла ладонь и прижала её к стеклу.

На стекле изнутри проступили буквы:

НЕ БЕРИ ЕГО

Саня открыл рот, но голос пропал.

Девочка повернула голову.

Теперь он увидел её глаза.

Глаз не было.

Только чёрные провалы, а внутри — красный, далёкий отсвет, как небо в зеркале.

Потом из багажника донёсся стук.

Крышка универсала медленно приоткрылась.

В щели лежал амулет.

Он смотрел.

Саня проснулся от собственного хрипа.

Будильник не звонил. Было шесть двадцать семь. За окном только-только светлело. В комнате стоял холод, как будто форточка всю ночь была открыта, хотя Саня точно её закрыл.

Он сел, тяжело дыша.

На полу возле дивана лежала сигаретная пепельница. Рядом — телефон. Всё как обычно.

Кроме одного.

На стекле окна изнутри запотевшими разводами виднелась короткая полоса. Будто кто-то провёл пальцем.

Саня медленно подошёл.

На стекле было написано:

СМОТРИ

Буквы были кривые, неровные, быстро таяли.

Саня замер.

Потом выругался так, что сосед за стеной перестал кашлять.

Он схватил тряпку, стёр надпись, хотя она уже почти исчезла, и отошёл от окна.

— Нет, — сказал он пустой комнате. — Нет. Хрен вам. Я в это не играю.

Фраза прозвучала бодро.

Но руки опять дрожали.

Он умылся. Холодная вода немного привела в чувство. В зеркале он выглядел хуже обычного: глаза красные, щетина темнее, лицо осунувшееся.

— Ну и видок, — сказал он отражению. — Клиент увидит — сам чинить начнёт.

На завтрак не было ни желания, ни нормальной еды. Саня выпил чай без сахара, нашёл в шкафу сухарь, погрыз его, как собака палку, и собрался. По дороге купил пачку дешёвых сигарет, хлеб, плавленый сырок и бутылку воды. В кармане после этого осталось неприлично мало.

Утро было таким же мокрым, как вчерашний вечер. Дождь прекратился, но город ещё не высох. В лужах плавали жёлтые листья, машины шипели по асфальту. Люди на остановке стояли молча, нахохлившись, с лицами, на которых читалось общее желание лечь обратно и не участвовать в этом дне.

Саня сел в маршрутку и всю дорогу смотрел не в окно, а в отражение стекла.

За плечом никого не было.

Ни девочки.

Ни красной варежки.

Ни багрового неба.

Только сонные пассажиры, водитель с затылком квадратной формы и реклама стоматологии над дверью.

«Переработал», — снова сказал он себе.

И тут же подумал: а если нет?

Эта мысль была мерзкой. Она лезла под кожу, как заноза. Потому что если не переработал, тогда мир устроен не так, как Саня привык думать. Тогда радио может говорить детским голосом, телефон — писать сам, а в багажнике битой тачки может лежать штука, которая смотрит без глаз.

А это означало, что ключом на тринадцать проблему не решить.

Саня этого не любил.

В «Луче» было тихо. Слишком тихо для утра. Обычно в это время кто-нибудь уже матерился, гремел воротами, заводил машину или кричал Михалычу, чтобы тот открыл вторые ворота. Сегодня же кооператив будто недосчитался звуков.

Будка охраны стояла с приоткрытой дверью.

Саня подошёл.

— Михалыч?

Внутри пахло крепким чаем, старой курткой и дешёвыми сигаретами. На столе лежала газета, рядом кружка с недопитым чаем. Маленький телевизор показывал серую рябь без звука. Стул был пуст.

— Михалыч, ты где?

Ответа не было.

Саня вышел, огляделся. Ряды гаражей, лужи, облезлые ворота. Вдалеке каркнула ворона. Где-то за забором проехал грузовик.

Михалыча видно не было.

— Старый хрыч, — пробормотал Саня. — Пошёл, небось, по нужде, а ворота бросил.

Он пошёл к третьему боксу. С каждым шагом неприятное чувство внутри становилось сильнее. Не страх даже. Скорее ожидание, будто за углом его ждало что-то, о чём он уже знал, но не хотел вспоминать.

Замок на воротах был на месте.

Саня остановился.

Вчера он запирали его дважды. Точно. Проверял. Дёргал.

Теперь замок висел открытый.

Не сломанный. Не сорванный. Просто открытый, дужка вытащена.

— Серёга, если это ты, — тихо сказал Саня, — я тебе этим замком зубы пересчитаю.

Он снял замок, медленно открыл ворота.

Внутри было полутемно. Лампы не горели. Свет с улицы ложился на бетон серыми полосами. Запах масла и металла был привычным, но под ним чувствовалось другое — влажная земля, холод и что-то старое, как в подвале заброшенного дома.

Тёмно-зелёный универсал стоял там же.

На крыше лежала красная vareжка.

Саня смотрел на неё несколько секунд.

Потом выдохнул.

— Значит, не приснилось.

Он вошёл внутрь, щёлкнул выключателем. Лампы загорелись не сразу. Сначала мигнули. Потом одна вспыхнула, вторая зажужжала, третья осталась тёмной. Бокс стал похож на плохой морг.

Саня подошёл к верстаку.

Металлический ящик из-под старых свечей стоял там, где он его оставил. Сверху — тяжёлая головка от домкрата. Всё на месте.

Он протянул руку, потом остановился.

Не хотелось открывать.

Очень не хотелось.

— Да ты что, — сказал он себе. — Боишься железяки?

Он снял головку, поставил рядом. Крышка ящика была холодной. Саня поддел её ногтем и открыл.

Амулет лежал внутри.

Лицевой стороной вверх.

Глаз смотрел.

Саня захлопнул крышку.

— Отлично. Просто отлично.

Сзади послышался звук.

Тихий.

Сухой.

Словно кто-то коротко рассмеялся.

Саня резко обернулся. Универсал стоял неподвижно. Двери закрыты. Стёкла тёмные. Красная vareжка на крыше.

В боксе больше никого не было.

Он взял монтировку, лежавшую у ворот, и только после этого снова открыл ящик. Амулет не двигался. Просто лежал. Просто смотрел. Как вчера. Как во сне. Как, чёрт возьми, на стекле его окна.

Саня взял его через ветошь и положил на чистый лист бумаги. Потом включил настольную лампу, направил свет.

Предмет выглядел ещё хуже при дневном свете.

На первый взгляд — старый металл, овальная форма, выступ-зрачок, странная резьба. Но чем дольше Саня смотрел, тем больше замечал деталей. Линии на поверхности не были хаотичными. Они расходились от центра тонкими прожилками, как трещины в стекле. Между ними виднелись мелкие знаки. Некоторые напоминали буквы, но только если смотреть боковым зрением. Стоило сфокусироваться — они расползались в бессмысленные царапины.

Металл был неоднородный. Местами чёрный, местами бурый, местами с тусклым красным отливом. Ржавчина? Кровь? Какая разница. Саня не хотел проверять.

Он достал телефон и сделал несколько снимков.

На экране амулет получился размытым.

Саня нахмурился. Сфотографировал ещё раз.

То же самое. Всё вокруг чёткое: лист бумаги, верстак, грязь на пальцах, лампа. А амулет — мутное пятно, словно камера не могла навести фокус.

— Да иди ты.

Он включил режим видео. Навёл камеру. На экране изображение дёрнулось. На секунду вместо амулета появилось что-то другое.

Круглая чёрная яма.

И в ней — багровое небо.

Саня отшатнулся так резко, что задел верстак бедром. Телефон чуть не выпал.

Экран погас.

— Всё, — сказал он. — Хватит.

Он схватил амулет ветошью, сунул обратно в ящик, захлопнул и сверху поставил не только головку домкрата, но ещё и старый аккумулятор.

Потом достал сигарету.

Прикурил.

Затянулся.

Дым пошёл вверх обычный, серый. Саня смотрел на него с таким вниманием, будто от этого зависела жизнь. Серый. Нормальный. Никакой мистики.

— Вот и хорошо, — пробормотал он.

В этот момент снаружи подъехала машина.

Знакомый гул двигателя — старый «Логан» Беспалого. Через минуту Серёга вошёл в бокс, стряхивая с куртки капли дождя. За ним протиснулся Димка с пакетом из магазина.

— О, Хантер уже тут, — сказал Беспалый. — Ну как наша красавица?

Саня медленно повернул к нему голову.

— Наша?

— Ну тачка со штрафстоянки.

— Серёга, — сказал Саня очень спокойно. — Ты вчера телефон почему не брал?

Беспалый сразу сделал лицо человека, у которого был тяжёлый, но благородный вечер.

— Да там связь...

— Какая связь?

— Ну... плохая.

— Ты в городе был.

— В подвале.

— В каком ещё подвале?

— Сань, ну что ты как следователь? Забухал я немного, ладно? Клиент проставился.

Димка поставил пакет на стол и с интересом посмотрел на универсал.

— Ничего себе. Это она?

— Она, — сказал Саня. — И она мне не нравится.

— Аварийная, что ли?

— Аварийная — это полбеды.

Беспалый обошёл машину, присвистнул.

— Да-а. Морда в хлам. Но железо дорогое. Если двигатель живой, можно поднять.

— Ты документы видел?

— Какие-то видел.

— Опять «какие-то».

— Саня, ну не начинай.

— Я уже начал. Замок утром был открыт.

Беспалый остановился.

— Как открыт?

— Молча. Висел открытый.

— Ты сам, может, забыл?

Саня посмотрел на него.

Беспалый поднял руки.

— Всё, понял. Не забыл.

— Михалыча тоже нет.

— Как нет?

— Будка пустая. Чай стоит, телевизор шипит, самого нет.

Димка поёжился.

— Может, домой ушёл?

— С открытой будкой? — спросил Саня. — В кооперативе? Где половина гаражей вскрывается монтировкой за три минуты?

Беспалый нахмурился, но быстро вернулся к привычной манере.

— Ладно, Михалыч потом найдётся. Он старый, у него свои маршруты. Давайте лучше машину глянем.

— Давайте? — Саня затаился. — Я тебе сейчас расскажу, что в ней есть.

Он коротко, без лишней драматургии, пересказал вчерашнее: тёмный салон, отсутствие крови, варежку, амулет, радио, телефон. Про сон и надпись на окне говорить не стал. Даже ему самому это звучало слишком хреново.

Беспалый слушал с выражением лица, которое постепенно переходило от заинтересованного к настороженному, а потом к раздражённому.

— Ты прикалываешься? — спросил он наконец.

— Я похож на человека, которому весело?

— Ты похож на человека, который не выспался.

— Это тоже.

Димка посмотрел на верстак.

— А амулет где?

— В ящике.

— Покажешь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу.

Беспалый фыркнул.

— Сань, ну ты серьёзно? Нашёл какую-то железяку и теперь устроил тут «Битву экстрасенсов»?

— Серёга, я тебе говорю: машина мутная. Её надо сдать обратно.

— Куда обратно?

— Туда, откуда взяли.

— На штрафстоянку?

— Да.

— А деньги?

— Какие деньги?

— За работу.

— Мы ещё не работали.

— Но можем.

Саня медленно снял очки, протёр их рукавом, надел обратно.

— Ты меня слышишь? В машине радио само включилось. Телефон писал сам. В салоне холод как в морге. Крови после аварии нет. И замок утром открыт.

— Радио коротит, телефон глючит, холод потому что машина ночь стояла, крови нет потому что, может, никого не было, замок ты плохо закрыл.

— А девочка?

— Какая девочка?

— В отражении.

Беспалый замолчал.

Димка тоже.

Саня понял, что сказал лишнее.

— Забей, — буркнул он. — Устал.

Беспалый посмотрел на него уже внимательнее.

— Сань, ты вообще нормально?

— Нет. И становиться нормально не собирается, пока эта хрень стоит в боксе.

Серёга вздохнул.

— Слушай. Давай так. Мы её осмотрим. Просто осмотрим. Номера, двигатель, кузов. Если реально что-то не так — я позвоню человеку и скажу, чтобы забирал.

— Ты сказал «если».

— Потому что я не верю в говорящие амулеты.

— Я тоже не верил.

— Вот и отлично. Значит, проверим как взрослые люди.

Саня хотел послать его. Очень хотел. Но в этот момент в кармане завибрировал телефон. Сообщение от Валентины Сергеевны:

Александр, когда будет остальное?

Он посмотрел на экран, потом на Беспалого.

— Деньги сегодня будут?

— Будут, — быстро сказал тот. — Если по этой машине договоримся — сразу дам.

Саня усмехнулся.

— Вот так нечисть и покупает людей. Через аренду.

— Что?

— Ничего.

Он сунул телефон в карман и затушил сигарету.

— Ладно. Осмотрим. Но если начнёт твориться херня — я ухожу.

Димка осторожно поднял руку.

— А что считается хернёй?

Саня посмотрел на него.

— Когда ты сам поймёшь — будет поздно.

Они начали с внешнего осмотра.

Универсал стоял под лампами, мокрый, мрачный, будто дождь не стекал с него, а впитывался обратно в металл. Марка оказалась старым «Вольво» — крепкий, тяжёлый, надёжный автомобиль из тех времён, когда машины ещё делали не только для продажи запчастей. Номерные таблички были грязные, но читаемые. Саня сфотографировал VIN под лобовым стеклом, потом полез искать дублирующую табличку.

- Странно, — сказал он через пару минут.
- Что? — спросил Беспалый.
- Номер есть. Но вокруг таблички металл как новый.
- Меняли?
- Может. А может, табличку переставили.
- Криминал?
- Пока не знаю.

Он открыл капот. Тот поднялся тяжело, с хрустом. Двигательный отсек пострадал сильно: радиатор смят, вентилятор разбит, шланги порваны. Но двигатель на первый взгляд мог быть жив.

Димка посветил фонариком.

- Сань, а почему тут земли столько?

Саня посмотрел.

В глубине моторного отсека, между лонжероном и блоком, действительно была земля. Тёмная, влажная, комками. Не дорожная грязь, не глина с обочины. Именно земля — как с кладбищенской клумбы после дождя. В ней торчали сухие корешки.

- Может, в кювет улетела, — сказал Беспалый.

Саня взял отвёртку, ковырнул комок.

В земле что-то белело.

Он подцепил предмет и вытащил.

Маленький осколок кости.

Тишина в боксе стала плотнее.

Димка сглотнул.

- Это... животное?

Саня смотрел на осколок. Тонкий, изогнутый, с пористой структурой. Он не был экспертом, но видел кости животных. Эта выглядела иначе.

- Не знаю.

Беспалый нервно усмехнулся.

- Да брось. На дороге всякое бывает. Собака, кошка...

- В моторном отсеке?

- Ну ударом забило.

- Землю тоже ударом забило?

Серёга не ответил.

Саня завернул осколок в бумажную салфетку и положил на верстак подальше от ящика с амулетом. Потом вернулся к машине.

- Дальше салон.

Дверь водителя открылась легче, чем вчера. Даже слишком легко. Петли не скрипнули. Внутри было темно, хотя ворота бокса стояли открыты, а лампы горели. Саня включил фонарь.

Луч света лег на панель, сиденье, сработавшую подушку.

И на водительском коврик — там, где вчера были только осколки стекла, — виднелись мокрые следы.

Маленькие.

Детские.

Будто ребёнок босыми ногами прошёл по салону от заднего сиденья к водительскому.

- Это что за... — начал Димка.

- Молчи, — сказал Саня.

Следы были свежие. Вода ещё блестела в отпечатках пальцев. Они вели от заднего сиденья, через центральный тоннель, к водительскому месту. Дальше обрывались.

Саня посветил на заднее сиденье.

Там лежало второе.

Красная варёжка.

Такая же, как первая. С белой снежинкой.

На крыше машины по-прежнему лежала первая варёжка.

Димка медленно повернул голову к крыше, потом обратно в салон.

— Сань...

— Я вижу.

Беспалый, который до этого стоял позади, вдруг шагнул назад.

— Это кто-то прикалывается.

— Конечно, — сказал Саня. — У нас тут очередь желающих ночью лезть в битую тачку и раскладывать детские варёжки.

— Может, Михалыч?

— Михалыч пропал.

Слово повисло в воздухе.

Пропал.

До этого Саня произносил это почти буднично, как «ушёл куда-то». Теперь же смысл стал неприятно конкретным.

Он выпрямился.

— Надо его искать.

— Сначала машину закроем, — сказал Беспалый.

— Сначала Михалыча.

— Да куда он денется? Кооператив маленький.

— Вот и посмотрим.

Они вышли из бокса. Димка явно был рад покинуть помещение, но старался не показывать. Беспалый шёл впереди, нервно звеня ключами. Саня замыкал, держа монтировку. Сигарету он не закуривал — почему-то не хотелось отвлекать дыхание.

Они проверили первый ряд гаражей, потом второй. Большинство ворот были закрыты. Из одного бокса доносилось радио и стук молотка — там работал жестянщик Гена, который всегда начинал раньше всех, потому что спал мало и пил много. Он сказал, что Михалыча утром не видел. Вчера вечером тоже не видел после того, как тот открыл ворота эвакуатору.

— А что? — спросил Гена. — Помер, что ли?

— Спасибо за оптимизм, — сказал Саня.

У будки охраны всё было как прежде. Чай остыл. Газета раскрыта на кроссворде. В телевизоре шла рябь. На маленькой электроплитке стоял чайник. Куртка Михалыча висела на гвозде.

— Без куртки бы не ушёл, — сказал Беспалый.

— Угу.

Саня заглянул под стол, потом за шкафчик. Ничего. На полу возле двери лежали грязные следы от сапог. Обычные следы. Михалычевы, скорее всего.

И ещё один.

Маленький мокрый отпечаток босой ноги.

Саня присел.

— Серёга.

Беспалый посмотрел вниз и выругался.

Димка стоял у двери и бледнел.

— Может, ребёнок какой забежал?

— Утром? Босиком? В ноябре? На промзону? — Саня поднялся. — Прекрасная версия. Ещё скажи, что он на самокате приехал.

След вёл от порога будки наружу, к лужам. Дальше терялся. Но если смотреть внимательнее, можно было заметить: вода в лужах была не просто мутной. В некоторых местах по поверхности расходились тонкие тёмные разводы, как от масла.

Саня пошёл по ним.

— Хантер, — позвал Беспалый. — Ты куда?

— Смотреть.

— Что смотреть?

— То, что нас просили.

Сам не понял, почему сказал именно так.

Они прошли вдоль забора к старой железнодорожной ветке. Там, за кооперативом, начинался пустырь: бурьян, бетонные блоки, ржавые трубы, остатки какого-то склада. Осенью это место выглядело особенно мёртвым. Трава полегла, земля раскисла, мусор мокнул под серым небом.

У самой дыры в заборе стояла будка для сторожевой собаки.

Старая. Сгнившая. Без цепи.

Саня раньше не обращал на неё внимания. Ну будка и будка. В кооперативах всегда валяется всякий хлам. Но сейчас он вспомнил вчерашние слова Михалыча:

— Привезли — собака моя завывала.

— У него правда была собака? — спросил Саня.

Беспалый нахмурился.

— У Михалыча? Да вроде нет.

— «Вроде»?

— Я лет семь здесь. Собаки не помню.

Димка тихо сказал:

— А будка откуда?

Никто не ответил.

Саня подошёл ближе.

Будка была маленькая, перекошенная, крыша провалилась. На входе висел обрывок цепи. Ржавый. Очень старый. Внутри темно. Пахло мокрой землёй и гнилыми досками.

На земле перед будкой лежало что-то белое.

Саня присел.

Кусок кости.

Похожий на тот, что он нашёл в моторном отсеке.

Рядом — ошейник. Кожаный, потрескавшийся, с металлической бляшкой.

Саня поднял его.

На бляшке было выбито имя:

Шарик

Беспалый нервно засмеялся.

— Ну вот. Собака была. Просто давно.

— Насколько давно? — спросил Саня.

— Откуда я знаю?

Саня посмотрел на ошейник. Кожа была старая, но мокрая так, будто её только что достали из земли. На внутренней стороне ошейника что-то прилипло — комок тёмной грязи, смешанной с шерстью.

И вдруг где-то за дырой в заборе, на пустыре, послышался лай.

Тихий.

Далёкий.

Один раз.

Димка дёрнулся.

— Вы слышали?

Лай повторился.

Но это был не живой собачий лай. В нём не было ни злости, ни просьбы, ни страха. Он звучал глухо, будто из-под земли.

Саня медленно поднялся.

— Назад.

— Может, Михалыч там? — спросил Димка.

— Назад, сказал.

Они вернулись в кооператив быстрее, чем вышли. Никто не спорил. Даже Беспалый.

В боксе стало светлее — наконец включилась третья лампа. Универсал стоял как ни в чём не бывало. Красная варежка на крыше. Вторая — на заднем сиденье. Ящик с амулетом на верстаке. Сверху аккумулятор.

Саня остановился у ворот.

— Всё. Звони человеку, пусть забирает.

Беспалый потер лицо.

— Сань...

— Что «Сань»?

— Если сейчас я скажу, что отказываюсь, он спросит почему.

— Так и скажи: машина с сюрпризом.

— Он не поймёт.

— Тогда скажи: документы мутные.

— Документы нормальные.

— Серёга.

— Да звоню я, звоню.

Беспалый достал телефон, отошёл к воротам. Набрал номер. Ждал. Долго. Потом нахмурился.

— Недоступен.

— Ещё раз.

Он набрал снова.

— Недоступен.

— Кто он вообще?

— Человек.

— Какой человек?

— Знакомый знакомого.

Саня смотрел на него молча.

— Ну не смотри так, — огрызнулся Беспалый. — Да, мутная схема. Но не первая же. Обычно максимум — битый кузов, кредитная история, номера перебитые. А не... не это всё.

— Имя.

— Что имя?

— Как его зовут?

Беспалый замялся.

— Не знаю.

Саня медленно кивнул.

— Прекрасно. Ты взял в бокс машину неизвестно от кого, неизвестно с какими документами, а теперь у нас пропал сторож, в салоне детские следы, радио разговаривает, и где-то лает мёртвая собака.

— Я не говорил, что она мёртвая.

— А живая?

Беспалый промолчал.

Димка вдруг сказал:

— Может, полицию?

Саня и Серёга одновременно посмотрели на него.

— Что? — Димка смутился. — Ну правда. Сторож пропал. Машина странная. Кости. Беспалый покачал головой.

— Полиция приедет, начнёт проверять кооператив, документы, аренду, машины без заказ-нарядов...

— А если Михалыча реально убили? — спросил Димка.

В боксе стало тихо.

Саня посмотрел на универсал.

В лобовом стекле отражались лампы. И его собственное лицо. Усталое, злое, с тёмными кругами под глазами.

За его отражением на секунду мелькнуло что-то красное.

Он резко повернул голову.

На заднем сиденье никого.

Только варежка.

Саня подошёл к машине и открыл заднюю дверь.

— Эй, — сказал Беспалый. — Ты чего?

— Надо закончить.

— Что закончить?

— Осмотр.

— Ты же сказал, машину отдаём.

— Отдадим, если поймём, что отдаём.

Он осветил фонарём под заднее сиденье. Там было пусто. Потом проверил карманы на спинках. В одном лежал старый чек, почти сгнивший от влаги. Бумага расползалась в пальцах, но кое-что можно было разобрать.

Дата была пятилетней давности.

Название магазина отсутствовало, краска выцвела. Внизу ручкой была написана фраза:

Не открывать после заката.

Саня показал Беспалому.

— Ну? Радио тоже коротит?

Серёга сглотнул.

— Это может быть чей-то прикол.

— Угу. Очень смешной.

Саня полез дальше. Поднял коврик багажника. Там, где вчера лежал амулет, теперь виделось углубление в металле — овальный след, будто предмет пролежал там не пару часов, а много лет и выжег форму в полу.

Вокруг следа металл был покрыт инеем.

Настоящим инеем.

В неотапливаемом, но плюсовом гараже.

Димка тихо сказал:

— Сань, смотри.

Саня поднял голову.

На внутренней стороне крышки багажника были царапины.

Много царапин. Будто кто-то пытался выбраться изнутри. Ногтями, ключами, чем угодно. Они пересекались, шли в разные стороны, но в середине складывались в рисунок.

Раскрытый глаз.

Такой же, как на амулете.

А ниже, среди царапин, были слова. Русские. Кривые. Выцарапанные с такой силой, что металл местами прорезало насквозь:

ОН НЕ ДОЛЖЕН СМОТРЕТЬ НАЗАД

— Кто «он»? — шёпотом спросил Димка.

Саня не ответил.

Он вдруг почувствовал холод у себя за спиной.

Не сквозняк.

Не ветер.

Чьё-то присутствие.

Так бывает, когда стоишь в тёмной комнате и точно знаешь: там кто-то есть. Просто пока не шевелится.

Саня медленно выпрямился.

Беспалый и Димка смотрели не на него.

Они смотрели ему за плечо.

— Не оборачивайся, — тихо сказал Беспалый.

Саня замер.

Все звуки исчезли.

Дождь.

Гул ламп.

Шум далёкой дороги.

Даже собственное дыхание стало каким-то чужим и громким.

За спиной, совсем близко, раздался детский голос:

— Дядя... вы теперь видите?

Саня сжал монтировку так, что заболели пальцы.

— Димка, — сказал он тихо, не двигаясь. — Что там?

Димка молчал.

— Димка.

Парень ответил не сразу. Голос у него был тонкий, сорванный:

— Девочка.

Беспалый прошептал:

— На крыше.

Саня медленно перевёл взгляд на лобовое стекло универсала. В нём отражался бокс. Верстак. Беспалый с белым лицом. Димка у двери. И крыша машины.

На крыше сидела девочка.

Маленькая, лет семи. В мокром сером платье, с тёмными волосами, прилипшими к щекам. Одна рука в красной варежке. Вторая голая. Ноги босые, пятки грязные. Она сидела неподвижно, свесив ноги на лобовое стекло, и смотрела прямо на Саню.

Лица в отражении почти не было видно.

Только глаза.

Чёрные.

Саня не обернулся.

Он смотрел только в отражение.

— Ты кто? — спросил он.

Девочка склонила голову.

Губы у неё шевельнулись, но голос прозвучал не с крыши. Он пошёл из салона машины. Из динамиков. Из багажника. Из стен гаража. Сразу отовсюду.

— Не бери его.

— Что не брать?

— Глаз.

Саня покосился на верстак, где под аккумулятором стоял ящик с амулетом.

— Он не мой.

— Уже твой.

— С хрена ли?

Девочка моргнула.

Когда она моргнула, свет в боксе тоже моргнул.

— Он увидел тебя.

Саня сглотнул. Горло пересохло.

— А ты меня зачем пугаешь?

— Я не пугаю.

— Хреново получается.

— Я предупреждаю.

Беспальный вдруг тихо заскулил. Именно заскулил, как собака. Саня краем глаза видел, что Серёга прижался спиной к верстаку и не может отвести взгляд от отражения.

Димка стоял у ворот, бледный до зелени.

— Где Михалыч? — спросил Саня.

Девочка долго молчала.

Потом подняла голую руку и указала куда-то вниз.

Не на пол.

Глубже.

— Под дверью.

— Под какой дверью?

— Которая открылась.

— Где она?

— В машине.

Саня медленно выдохнул.

— Михалыч жив?

Девочка снова склонила голову.

— Здесь — нет.

Беспальный закрыл рот рукой.

Димка прошептал:

— Господи...

Саня почувствовал, как внутри поднимается злость. Страх никуда не делся, но злость была привычнее. Её можно было держать в руках. Её можно было направить.

— Значит так, — сказал он. — Если ты призрак, демон, глюк или что там ещё, говори нормально. Что это за машина? Откуда амулет? И что за дверь?

Девочка вдруг улыбнулась.

Это было самое страшное.

Не потому, что улыбка была злой. Нет. Она была грустной. Детской. И в ней было такое усталое понимание, какое не должно жить на лице ребёнка.

— Машина ехала не сюда.

— А куда?

— Между.

— Между чем?

— Где дорога кончается. Где закат не уходит. Где мёртвые забывают имена.

Саня закрыл глаза на секунду.

— Бред какой-то.

— Сумрак, — сказала девочка.

Это слово упало в бокс тяжёлым металлическим предметом.

Лампы потускнели.

Где-то в глубине универсала что-то зашевелилось.

— Не произноси, — прошептала девочка уже другим голосом. Старым. Хриплым. — Он слушает.

— Кто?

Она медленно повернула голову к ящику на верстаке.

— Тот, кто в глазе.

Саня не успел ответить.

Телефон Беспалого зазвонил.

Резко.

Громко.

Все трое вздрогнули. Девочка на крыше исчезла.

Саня наконец обернулся.

Крыша была пустой.

Только красная варежка лежала на мокром металле.

Телефон продолжал звонить. Беспалый смотрел на экран так, будто там высветился его собственный смертный приговор.

— Кто? — спросил Саня.

Серёга поднял глаза.

— Он.

— Кто он?

— Человек, который машину прислал.

На экране вместо имени был номер.

Но номер странный.

Все цифры были одинаковые.

000-00-00

Саня протянул руку.

— Дай.

— Не надо, — сказал Димка.

— Надо.

Он взял телефон и нажал ответ.

Сначала в трубке была тишина.

Потом щелчки. Мелкие, сухие, неприятные. Как будто кто-то перебирал ногтями по пластику.

— Алло, — сказал Саня.

Тишина.

— Говори, раз звонишь.

На том конце кто-то тихо вдохнул.

И голос произнёс:

— Глаз уже у вас?

Голос был мужской. Спокойный. Даже вежливый. Но в нём что-то шуршало, будто слова ползли через сухую траву.

Саня посмотрел на ящик.

— А ты кто такой?

— Тот, кто знает дорогу.

— Тогда приезжай и забирай свою машину.

— Машина не моя.

— А чья?

— Теперь ваша.

Саня усмехнулся.

— Щедро. А можно отказаться?

— Уже поздно.

— Слушай, дружище, — Саня почувствовал, как злость окончательно вытесняет панику.

— Я не знаю, что вы тут устроили. Розыгрыш, секту, криминал, хер пойми что. Но если из-за вашей тачки пропал сторож, я сейчас вызываю ментов.

На том конце послышался тихий смешок.

— Менты не ходят туда, где он теперь.

— Кто «он»?

— Старик у двери.

Беспалый застонал.

Саня сжал телефон.

— Что тебе надо?

— Чтобы Хантер посмотрел.

Саня похолодел.

— Откуда ты знаешь это имя?

— Он сам выбрал.

— Кто?

— Глаз.

Саня посмотрел на Беспалого. Тот явно не говорил никому прозвище. Димка тем более. Да и зачем?

— Скажи мне прямо, — медленно произнёс Саня. — Что будет, если я разобью этот амулет кувалдой?

Пауза.

Длинная.

Потом голос ответил уже тише:

— Тогда дверь откроется не туда.

— А если выброшу?

— Он вернётся.

— А если расплавлю?

— Он запомнит огонь.

— Что за бред?

— Не все вещи ломаются, когда их бьют, Хантер. Некоторые просыпаются.

Саня хотел ответить, но в трубке вдруг появился другой звук.

Лай.

Тот самый глухой собачий лай из-под земли.

Потом детский плач.

Потом шёпот множества голосов:

— Смотри... смотри... смотри...

Саня сбросил звонок.

В боксе снова стало тихо.

Очень тихо.

Беспалый вытер лоб.

— Что это было?

— Ты мне скажи, — ответил Саня. — Это же твой знакомый знакомого.

Серёга сел прямо на бетон.

— Я не знаю.

Димка тихо сказал:

— Сань, дверь.

— Что дверь?

Парень показал на универсал.

Все двери машины были закрыты.

Кроме водительской.

Она была распахнута настежь, хотя Саня точно её закрывал после осмотра.

Из салона тянуло холодом.

На водительском сиденье лежал лист бумаги.

Саня подошёл не сразу. Каждый шаг давался тяжело, как будто воздух стал гуще. Он наклонился и взял лист.

Это был акт приёма автомобиля. Тот самый, который вчера оставил эвакуаторщик. Только теперь на обратной стороне что-то было написано.

Почерк кривой. Старческий.

Саня узнал его не сразу.

Почерк Михалыча.

Не пускайте ночь в бокс.

Я держал, сколько мог.

Она ждала не меня.

Она ждала его.

Ниже была ещё одна строка.

Более глубокая, продавленная так, что бумага почти порвалась:

Хантер должен закрыть глаз до чёрного дыма.

Саня перечитал дважды.

— Что за чёрный дым? — спросил Беспалый.

Саня медленно положил лист на крышу машины.

— Не знаю.

И в этот момент он заметил, что из-под аккумулятора на верстаке тонкой струйкой поднимается дым.

Обычный с виду.

Серый.

Пока серый.

Ящик с амулетом внутри тихо потрескивал, будто металл нагревался изнутри.

Саня шагнул к верстаку.

— Димка, ворота открой.

— Зачем?

— Сейчас эту хрень вынесем наружу.

Беспалый вскочил.

— Ты что, руками его возьмёшь?

— Не руками. Щипцами.

— А дальше?

— Дальше посмотрим.

— Сань, может, правда полицию?

— И что им сказать? Что у нас в ящике дымит глаз? Они нас в дурку увезут быстрее, чем амулет остынет.

Димка открыл ворота. Снаружи снова начинался дождь — мелкий, косой. Ветер загнал в бокс холодный воздух.

Саня взял сварочные щипцы, снял аккумулятор. Ящик под ним был покрыт инеем. Но из щелей крышки поднимался дым. Тонкий. Вязкий. Он не рассеивался, а свивался над ящиком в кольца.

Саня подцепил крышку щипцами.

— Не открывай, — прошептал Димка.

— Надо понять.

— Девочка сказала не брать глаз.

— Я и не беру.

Он поднял крышку.

Амулет лежал внутри.

И теперь он был не чёрный.

По линиям на его поверхности тлел слабый красный свет. Будто под металлом были угли. Зрачок в центре казался глубже, чем раньше. Не выпуклость, не узор — отверстие. Чёрное, бездонное.

Дым поднимался именно из него.

Серый.

Но у самого основания уже темнел.

Саня почувствовал запах.

Не горелого металла.

Не проводки.

Не масла.

Запах мокрой земли, старого пепла и чего-то сладковатого, гнилого.

Он схватил амулет щипцами.

Металл зашипел.

Щипцы покрылись инеем.

— Твою мать...

Саня вынес амулет из ящика. Дым потянулся за ним, как живая нитка. В боксе сразу стало темнее. Лампы замигали. Универсал щёлкнул замками — все двери одновременно открылись и закрылись.

— Быстрее! — крикнул Беспалый.

Саня пошёл к воротам.

И тут пол под ногами дрогнул.

Не сильно. Словно где-то глубоко под гаражом проехал поезд. Бетон завибрировал. С полок посыпались гайки. Старый календарь сорвался со стены и упал лицом вниз.

Дым из амулета потемнел.

Теперь он был не серым.

Густой, чёрный, как копоть из трубы.

Он поднялся вверх, развернулся и вдруг потёк не к потолку, а вниз — к полу. Струйки дыма скользнули по бетону, забрались в трещины, которых Саня раньше не замечал.

Трещины начали расширяться.

— Саня! — заорал Димка.

Универсал сам включил фары.

Багровый свет ударил в бокс.

Из динамиков раздался шёпот — не один голос, а множество, слитых в мокрый, липкий хор:

— Сумрак открыт...

Саня рванулся к воротам, держа амулет щипцами на вытянутой руке.

Но ворота захлопнулись.

Сами.

С таким грохотом, что у Димки вырвался крик.

Беспалый бросился к створкам, дёрнул. Не поддались. Он навалился плечом — бесполезно. Димка помогал, матерился, бил по металлу кулаками.

— Открывайся, сука! Открывайся!

Саня стоял посреди бокса.

Амулет в щипцах дымил всё сильнее.

Чёрный дым стекал на пол и собирался вокруг его ботинок.

Из-под бетона донёлся голос.

Низкий.

Глухой.

Такой, будто говорил не человек, а сама земля под гаражом:

— Бездна ждёт.

Саня посмотрел на амулет.

Глаз смотрел в ответ.

И в этот момент он понял, что выбросить его уже не успеет.

Пол под ногами треснул.

Не маленькой трещиной — широкой, чёрной раной. Она прошла от подъёмника к воротам, разрежала масляное пятно, пошла дальше, к верстаку. Из трещины поднялся холодный ветер. Он пах кладбищем после дождя.

Димка закричал.

Беспалый упал на колени у ворот.

Универсал взревел двигателем, хотя капот был разбит, радиатор смят, а ключа в замке Саня не видел. Фары стали ярче. Багровый свет залил стены, инструменты, лица.

На крыше машины снова сидела девочка.

Теперь она плакала.

— Простите, — сказала она.

Саня услышал, как где-то далеко лает собака.

Потом бетон ушёл вниз.

Гараж провалился в темноту.

Глава 3. Дым чёрного цвета

Темнота оказалась не пустой.

Саня понял это не сразу.

Сначала было падение.

Не такое, как с лестницы, с крыши или в смотровую яму, когда тело мгновенно понимает: сейчас будет больно. Это падение было другим. Длинным. Без пола. Без стен. Без воздуха. Будто гараж, машина, люди и весь остальной мир сорвались не вниз, а куда-то в сторону — туда, где у пространства нет нормальных направлений.

Саня не видел ничего.

Но слышал.

Димка орал где-то рядом — высоко, сорванно, уже не матом, а чистым страхом. Беспалый хрипел, будто его душили. Грохотал металл, звенели инструменты, что-то тяжёлое катилось, ударялось, снова катилось. Универсал ревел двигателем так, будто ехал по невидимой дороге прямо сквозь провал.

А ещё Саня слышал шёпот.

Он шёл не снаружи.

Изнутри головы.

Множество голосов, сухих, мокрых, детских, старческих, злых, ласковых, чужих. Они говорили одновременно, и всё равно каждое слово было понятным.

— Сумрак открыт...

— Глаз проснулся...

— Живой идёт...

— Хантер смотрит...

— Бездна ждёт...

Саня попытался выругаться, но рот будто забило пеплом. Он дёрнул рукой и понял, что всё ещё держит сварочные щипцы.

А в щипцах — амулет.

Чёрный глаз дымил.

Дым не растворялся в темноте. Наоборот, теперь он был единственным, что Саня мог видеть. Чёрная струя тянулась из зрачка амулета, закручивалась вокруг его руки, вокруг плеча, вокруг груди. Дым был темнее самой темноты. Он не закрывал зрение — он его заменял.

Сквозь него проступали обрывки.

Гаражный бокс — но перевёрнутый потолком вниз.

Красная варёжка, медленно плывущая в воздухе.

Лицо Михалыча, старое, серое, с открытым ртом, будто он хотел что-то сказать, но язык его давно превратился в землю.

Дверь.

Обычная железная дверь, каких полно в подвалах и гаражах. Ржавая, с облупившейся краской, с круглым глазком. Она стояла посреди темноты без стены и пола.

Глазок на двери моргнул.

Саня заорал.

Теперь голос вернулся.

— Да пошли вы все!

Он рванул щипцы, пытаясь отбросить амулет. Не вышло. Металл будто прирос к инструменту. Щипцы покрылись инеем до самой рукояти, холод пробрался через перчатки, через кожу, через кости.

На ладони выступила боль.

Не резкая — глубокая, сверлящая, будто кто-то вкручивал ему под кожу ледяной болт.

Саня скосил глаза.

На правой ладони, прямо под большим пальцем, проступал тёмный след.

Овал.

Раскрытый глаз.

— Нет, — прохрипел он. — Нет, сука, не надо.

Амулет в щипцах вспыхнул красным.

Не ярко — как уголь в печке, когда на него дуют. По линиям пробежал свет. Зрачок стал глубже. В нём что-то шевельнулось.

И Саня увидел себя.

Не отражение.

Не воспоминание.

Себя — маленького, лет десяти, сидящего на кухне старой квартиры. Мать плачет у окна. Отец молча собирает инструменты в металлический ящик. На столе стоит недопитая бутылка водки. Радио шипит. Мальчишка Саня смотрит на отца и ждёт, что тот скажет что-нибудь важное.

Отец не говорит.

Просто уходит.

Картинка исчезла.

Вместо неё — другая.

Саня уже взрослый, стоит у больничной койки. На койке отец, худой, жёлтый, с закрытыми глазами. Врач что-то объясняет, но слов не слышно. На тумбочке лежит тот самый ключ на тринадцать, который Саня потом заберёт себе. Он смотрит на отца и думает не о любви, не о прощении, не о жалости.

Он думает: «Ну вот и всё. Теперь точно некому звонить».

Картинка снова погасла.

— Не лезь, — выдавил Саня. — Не твоё.

Шёпот стал тише.

Будто прислушался.

Потом в темноте засмеялся мужчина.

Смех был сухой, короткий, вежливый. Тот самый — из телефона.

— Всё между — наше, Хантер.

Саня попытался повернуться на голос, но тела словно не было. Только рука со щипцами. Только ладонь с выжигающимся знаком. Только дым.

— Покажись, — прохрипел он. — Раз умный такой.

— Рано.

— Тогда заткнись.

— Грубый.

— Какой есть.

— Поэтому и подошёл.

Саня не успел ответить.

Его дёрнуло.

Так, будто кто-то схватил за грудки и потащил сквозь узкую щель. Мир сжался до полосы багрового света. Уши заложило. Зубы свело. В лёгкие ворвался холодный воздух, пахнущий не гаражом и не дождём.

Землёй.

Пеплом.

Сырой травой.

И мертвечиной.

Он ударился о что-то твёрдое боком и покатился. Плечо взорвалось болью. Очки слетели. Щипцы вырвало из руки. Где-то рядом звякнул металл.

Саня лежал лицом вниз и не двигался.

Сначала потому, что не мог.

Потом потому, что не хотел.

Под щекой была земля.

Мокрая, холодная, зернистая. Не бетон. Не асфальт. Не пол гаража.

Земля.

Саня открыл один глаз.

Прямо перед лицом торчала сухая травинка. На ней висела капля воды. Капля была тёмной. В ней отражалось небо.

Багровое.

Он закрыл глаз.

— Нет, — сказал он земле. — Не считается. Я не согласен.

Земля не ответила.

Зато где-то рядом послышался стон.

Саня резко приподнялся на локтях. Голова закружилась так, что мир качнулся. Он нащупал очки, нашёл их в грязи, протёр рукавом. Одно стекло треснуло по краю, но держалось. Он надел очки.

И увидел гараж.

Вернее, то, что от него осталось.

Третий бокс стоял посреди поля, как вырванный кусок чужой реальности. Две стены, часть крыши, покорёженные ворота, верстак, подъёмник — всё это торчало из земли под странным углом. Бетонный пол раскололся на плиты, между которыми росла сухая трава. Лампы под потолком висели, но не светили. Провода свисали, как кишки.

Тёмно-зелёный универсал стоял рядом, наполовину вмятый в землю. Фары погасли. Двери были распахнуты. От капота поднимался пар или дым — уже не чёрный, а грязно-серый.

Беспалый лежал у ворот.

Димка — ближе к машине.

Саня с трудом поднялся.

Ноги дрожали. Правая рука ныла, ладонь горела. Он посмотрел на неё и выругался.

Знак остался.

Тёмный овал с линиями, похожими на ресницы. Не татуировка. Не ожог. Что-то среднее. Кожа вокруг была бледной, будто её присыпали пеплом.

— Вот же ж...

Он попытался стереть знак пальцем. Бесполезно. Только больнее стало.

Первым делом Саня пошёл к Димке.

Парень лежал на спине, глаза закрыты, губа разбита, на щеке грязь. Саня присел, похлопал его по лицу.

— Димон. Эй. Не вздумай сдохнуть, мне потом Беспалому объяснять.

Димка застонал.

— Мама...

— Не мама. Хуже. Хантер. Давай, открывай глаза.

Димка моргнул, сфокусировался на нём и тут же побледнел ещё сильнее.

— Сань...

— Живой?

— Кажется.

— Руки-ноги?

Димка пошевелился, поморщился.

— На месте.

— Уже хорошо. Лежи пока.

Саня поднялся и пошёл к Беспалому.

Серёга сидел, привалившись спиной к перекошенным воротам. Лицо серое, глаза безумные. Он держался за живот, но крови вроде не было.

— Серёга.

Беспалый медленно повернул голову.

— Мы где?

— Отличный вопрос. Я как раз собирался у тебя спросить.

— Это... — Беспалый сглотнул. — Это не кооператив.

— Да ладно? А я думал, ремонт сделали.

— Саня...

— Живой?

— Не знаю.

— Если отвечаешь — значит, пока да.

Беспалый попытался встать, но тут же сел обратно.

— Нога.

Саня присел, посмотрел. Штанина порвана, голень опухает. Перелома открытого нет, но ушиб или трещина вполне могли быть.

— Наступать можешь?

— Больно.

— Я не спрашиваю, приятно ли. Можешь?

Беспалый, скрипя зубами, попробовал упереться ногой. Выругался.

— Могу. Но хреново.

— Значит, живой.

— Ты всегда такой заботливый?

— Только когда не хочу тащить труп.

Саня выпрямился и наконец посмотрел дальше.

И замолчал.

Вокруг раскинулось поле.

Нет.

Не поле.

Кладбище.

До самого горизонта тянулись холмы, могильные плиты, кривые кресты, обломанные памятники, каменные столбы без надписей. Местами могилы стояли рядами, местами — кучами, будто земля сама выблёвывала их как попало. Между ними росли мёртвые деревья: чёрные, тонкие, без листьев, с ветками, похожими на пальцы стариков.

Небо было низкое.

Багровое.

Не закатное, как в городе вечером, а больное. Красно-лиловые облака висели неподвижно, будто их нарисовали на грязном стекле. Солнца не было, но свет откуда-то шёл — тусклый, ржавый, без тепла. Вдалеке стелился туман. В нём что-то двигалось, но настолько медленно, что Саня не сразу понял: это не ветер.

Воздух был холодный.

Не зимний. Могильный.

Димка кое-как поднялся и подошёл к ним, пошатываясь.

— Это сон? — спросил он.

Саня достал сигарету из пачки. Пачка помялась, но одна сигарета уцелела. Он сунул её в рот, щёлкнул зажигалкой.

Пламя вспыхнуло синим.

Не жёлтым.

Синим, почти белым.

Саня посмотрел на огонёк, потом на Димку.

— Если сон, то очень плохо финансируемый.

Он прикурил. Затянулся.

Дым вышел серым.

Обычным.

Саня почти обрадовался.

Почти.

Потому что через секунду дым вытянулся тонкой струйкой и пополз не вверх, а в сторону ближайшей могилы.

Димка проследил взглядом.

— Сань...

— Вижу.

— Почему он так?

— Потому что тут, похоже, всё через задницу.

Беспалый с трудом поднялся, держась за ворота.

— Надо звонить.

Он достал телефон. Экран был разбит, но загорелся. Серёга дрожащим пальцем ткнул вызов.

Тишина.

Потом телефон издал короткий треск и сам включил громкую связь.

Из динамика донёсся шёпот:

— Абонент находится между...

Беспалый выронил телефон.

— Нет. Нет, нет, нет.

Саня поднял мобильник, посмотрел на экран. Сети не было. Вместо названия оператора в верхнем углу значилось одно слово:

ПОРОГ

— Ну, — сказал Саня. — Хоть роуминг бесплатный.

Димка нервно засмеялся. Смех тут же оборвался.

Где-то далеко, среди могил, прозвучал детский смех.

Тихий.

Звонкий.

Тот самый.

Саня медленно повернул голову.

— Не смешно, — сказал он в сторону тумана.

Детский смех повторился.

Теперь ближе.

Беспалый схватил Саню за рукав.

— Надо уходить.

— Куда?

— Отсюда!

— Очень содержательно.

— В любую сторону!

Саня оглянулся на остатки гаража. В голове ещё держалась дурацкая надежда: сейчас он увидит трещину, дверь, кусок нормального мира. Ворота кооператива. Будку Михалыча. Дорогу. Хоть что-то.

Но позади были только могилы.

Гаражный бокс стоял в чужой земле, как выброшенный на берег корабль. Из трещин бетонного пола поднимался слабый чёрный дым. Он стелился низко, цеплялся за траву и полз к универсалу.

Саня вспомнил амулет.

— Где глаз?

Димка вздрогнул.

— Что?

— Амулет где?

— Ты его держал.

— Держал.

Он начал искать.

Щипцы валялись рядом с расколотым подъёмником. Покрытые инеем, с белыми пятнами на металле. А вот амулета в них не было.

Саня почувствовал, как внутри всё неприятно сжалось.

— Только не это.

— Что? — спросил Беспалый.

— Эта железка пропала.

— И хрен с ней!

Саня повернулся к нему.

— Ты серьёзно? Из-за неё нас сюда затащило. И ты думаешь, если она пропала, это хорошо?

Беспалый открыл рот, закрыл.

— Может, она назад осталась?

Саня молча поднял правую ладонь.

Знак на коже тускло покраснел.

Димка отступил на шаг.

— Сань... у тебя...

— Да. Сувенир.

— Болит?

— Нет, блин, массаж делает.

Беспалый прошептал:

— Он теперь в тебе?

Саня посмотрел на свою ладонь.

— Если так — я с него аренду возьму.

Он пытался шутить.

Но шутка вышла плохая.

Слишком холодно было вокруг. Слишком тихо. Слишком много могил. И слишком явно что-то смотрело на них из тумана.

Саня бросил окурок на землю и затоптал.

— Значит так. Собираем, что можно. Инструменты, воду, аптечку, фонари. Всё, что не прибито и может пригодиться.

Беспалый уставился на него.

— Ты что, поход собрался устраивать?

— А у тебя есть план лучше?

— Ждать помощи.

Саня медленно оглядел кладбище.

— Серёга. Какая, к чёрту, помощь?

— Может, это... провал какой-то. Нас где-то за городом выбросило. Сейчас выйдем к дороге.

— Ага. За городом. На кладбище размером с область. Под красным небом. С оператором «Порог» в телефоне.

Димка тихо сказал:

— Та девочка сказала: Сумрак.

Они замолчали.

Слово снова сработало странно. Воздух вокруг будто стал плотнее. Где-то среди могил что-то шевельнулось.

Саня бросил на Димку резкий взгляд.

— Не произноси.

— Почему?

— Потому что она сказала — он слушает.

— Кто он?

Саня посмотрел на свою ладонь.

— Тот, кто в глазе. Или за глазом. Или какая ещё хрень.

Беспальный вдруг сел на землю.

— Я не могу.

— Можешь.

— Нет, Саня, я не могу. Я не хочу. Я не понимаю, что происходит.

— Я тоже.

— Тогда почему ты такой спокойный?

Саня усмехнулся.

— Я не спокойный. Я просто снаружи некрасивый, когда паникую.

Димка хмыкнул, но глаза у него оставались испуганными.

Саня пошёл к остаткам гаража. Каждый шаг отдавался болью в плече. Он заставил себя не думать о том, что земля под ногами хлюпает, хотя дождя здесь вроде не было. Не думать о надгробиях, на которых не было имён. Не думать о тумане.

Главное — действовать.

Когда действуешь, страху меньше места.

Он залез в перекошенный бокс.

Внутри всё было как после взрыва. Верстак перевернуло. Ящики с инструментами рассыпались. Компрессор лежал на боку. Полки сорвало со стены. На календаре с девицей теперь была грязь и длинная чёрная полоса, похожая на след пальца.

Саня нашёл свой старый металлический ящик с ключами. Крышку заклинило, но он ударил по ней монтировкой, и та открылась. Большая часть инструмента была на месте.

Ключ на тринадцать лежал сверху.

Саня взял его и зачем-то сжал в руке.

— Ну что, батя, — пробормотал он. — Поехали в отпуск.

Он сложил в сумку самое нужное: пару ключей, отвёртки, пассатижи, изоленту, ножовочное полотно, моток проволоки, маленький молоток, фонарь, запасные батарейки, кусок троса, пачку хомутов. Нашёл аптечку — половина содержимого рассыпалась, но бинты и перекись уцелели. Нашёл бутылку воды, которую Димка принёс утром. Плавленый сырок тоже валялся под верстаком, грязный, но в упаковке.

— Сырок берём, — сказал Саня.

— Ты серьёзно? — спросил Димка, появившись у входа.

— В аду сырки не продают.

— Мы в аду?

— Не знаю. Но сервис тут точно хуже.

Димка помог собрать вещи. Руки у парня тряслись, но он старался. Это Сане понравилось. Паниковать — дело нормальное. Главное, чтобы не превращаться в бесполезный мешок.

Беспалый снаружи возился с телефоном, потом с машиной. Через минуту позвал:

— Хантер!

Саня вышел.

— Что?

— Машина не заводится.

Саня посмотрел на него.

— Ты решил покататься по кладбищу?

— А что? Если заведём, можем уехать.

— Куда?

— Да хоть куда-то!

Саня подошёл к универсалу. Ключ действительно торчал в замке. Беспалый повернул его. Стартер щёлкнул один раз, потом из-под панели донёсся тихий детский смех.

Серёга отдернул руку.

— Вот видишь, — сказал Саня. — Не хочет она.

— Машина не может хотеть.

— Вчера я бы с тобой согласился.

Он открыл капот. Двигатель был разбит ещё сильнее, чем в гараже. Радиаторная решётка вмялась внутрь, ремень болтался, провода висели. Но страннее было другое: моторный отсек был забит землёй. Не местами, а почти целиком. Из-под блока торчали корни.

Свежие.

Белые.

Как пальцы.

Саня закрыл капот.

— Не поедет.

— Ты даже не попробовал.

— Я попробовал глазами.

Беспалый сжал кулаки.

— Из-за тебя.

Саня медленно повернулся.

— Что?

— Из-за тебя это всё! Она тебя ждала! Так было написано!

Димка замер.

Саня смотрел на Беспалого несколько секунд.

— Серёга, — сказал он тихо. — Ты сейчас очень аккуратно подбирай слова.

— А что? Неправда? Машину прислали, амулет тебя выбрал, девочка тебе говорила, звонок тебе был. Хантер должен закрыть глаз! Не я! Не Димка! Ты!

Саня шагнул ближе.

— А кто взял машину от неизвестного хрена? Кто сказал «деньги сразу»? Кто не знает имени человека, который пригнал в наш бокс эту консервную банку с привидениями?

Беспалый побледнел.

— Я не знал...

— Я тоже не знал.

— Но теперь мы здесь!

— Да. И если продолжишь орать — сюда придёт что-нибудь ещё.

Словно в ответ, где-то справа, за рядом покосившихся крестов, раздался шорох.

Все трое замерли.
Шорох повторился.
Сухой. Медленный. Будто кто-то тащил по земле мешок с костями.
Саня поднял монтировку.
— Тихо.
Димка взял молоток. Беспалый схватил обломок трубы.
Из тумана между могилами вышел человек.
На первый взгляд — человек.
Высокий, худой, в длинном тёмном пальто. Голова опущена. Руки висят вдоль тела. Он шёл медленно, не поднимая ног, словно скользил по мокрой траве.
— Эй! — крикнул Беспалый. — Мужик!
Саня резко выставил руку.
— Заткнись.
Человек остановился.
Медленно поднял голову.
Лица у него не было.
Там, где должны были быть глаза, нос, рот, была гладкая серая кожа. Как натянутая на череп мокрая тряпка.
Димка издал тонкий звук.
Безликий человек повернул голову на звук.
И под кожей его лица что-то зашевелилось.
Саня почувствовал, как знак на ладони стал горячим.
— Назад, — сказал он.
Безликий сделал шаг.
Потом ещё один.
Из-под его пальто посыпалась земля.
— Назад, сказал!
Саня сам понимал, что звучит глупо. Но иногда глупость лучше молчания.
Безликий вдруг остановился.
Его грудь вздулась.
Потом из гладкого лица прорезалась щель.
Не рот — рваная, мокрая прорезь.
Он вдохнул.
Громко.
Жадно.
Так, будто учуял запах.
— Жи-и-ивой, — прошелестело из щели.
Беспалый застонал.
— Бежим? — спросил Димка.
— Не спиной, — сказал Саня.
— Что?
— На крышке было написано: не смотреть назад.
— Там было наоборот! Он не должен смотреть назад!
— Вот именно. Значит, назад не смотрим.
Безликий сделал ещё шаг.
И за ним из тумана появились другие.
Трое.
Пятеро.
Десять.

Они выползали между могилами, поднимались из-за плит, шли из ям. Некоторые были в старой одежде, некоторые в саванах, некоторые почти голые, облепленные землёй. У всех вместо лиц — гладкая кожа с рвущейся щелью рта.

Они слушали.

Не глазами — дыханием.

Саня понял это, когда Димка судорожно вдохнул, и сразу трое безликих повернули головы к нему.

— Дышите тише, — прошептал Саня.

— Очень смешно, — едва слышно ответил Димка.

— Я не шучу.

Один из мертвецов резко двинулся вперёд.

Не побежал — дёрнулся, как сломанная кукла. Саня встретил его монтировкой. Удар пришёлся по голове. Звук был мерзкий — не костяной, а глиняный, будто разбили мокрый горшок. Безликий упал, но тут же начал подниматься.

— Не умирают! — крикнул Беспалый.

— Они уже! — рявкнул Саня.

Димка ударил второго молотком по колену. Нога хрустнула, мертвец рухнул, но пополз дальше, цепляясь пальцами за траву.

Саня отступал к гаражу, быстро оглядываясь — нет, не назад, а боковым зрением. Нужно было что-то придумать. Привычное. Простое. Земное.

Железо.

Трос.

Бензин.

Огонь.

— Димка! Канистра в багажнике!

— Какая?

— Та, без крышки! Тащи!

— Там бензин?

— Сейчас узнаем!

Димка рванул к универсалу. Мертвецы повернули головы на звук его шагов. Саня заорал, отвлекая:

— Эй, морды без морд! Сюда!

Получилось.

Слишком хорошо.

Сразу несколько безликих двинулись к нему.

Саня отступил к расколотому подъёмнику, схватил трос, зацепил карабин за стойку. Первый мертвец приблизился. Саня ударил его монтировкой в грудь, толкнул, потом резко натянул трос на уровне колен.

Трое споткнулись сразу.

Упали друг на друга.

Беспалый, матерясь, обрушил на них трубу. Толку было мало, но задержало.

Димка вернулся с канистрой.

— Пахнет бензином!

— Лей на тряпки!

— Куда?

— На них, блин, не на себя!

Димка плеснул остатки бензина на ветошь, которую Саня выдернул из сумки. Бензина было мало, но хватило. Саня обмотал ветошь вокруг обломка арматуры, щёлкнул зажигалкой.

Синее пламя лизнуло ткань.

На секунду оно стало чёрным.

Потом вспыхнуло нормальным жёлтым огнём.

Мертвецы зашипели.

Вот это уже было интересно.

— Огонь не любят, — сказал Саня.

— А кто его любит, когда им в лицо тычут? — пискнул Димка.

Саня сунул горящую ветошь первому безликому прямо в прорезавшийся рот. Тот выгнулся, забился, из щели повалил дым. Не чёрный — серый, пепельный. Мертвец упал и наконец перестал двигаться.

— Работает! — крикнул Беспалый.

— Не радуйся, их много!

Их действительно было много.

Слишком много.

Они шли из тумана, привлечённые криками, дыханием, теплом. Саня пятился, держа факел перед собой. Димка тащил сумку с инструментами. Беспалый хромал, но держался.

— Куда? — спросил он.

Саня посмотрел вокруг.

Кладбище во все стороны.

Но слева, за рядами низких каменных плит, виднелось что-то похожее на дорогу. Узкая тёмная полоса среди могил. Она уходила к холмам, где туман был гуще.

Плохой вариант.

Но других не было.

— Туда.

— Почему туда?

— Потому что здесь нас съедят.

— Они едят?

— Хочешь проверить?

Беспалый не ответил.

Они пошли к дороге.

Не побежали — Беспалый не мог, да и бег привлекал мертвецов. Шли быстро, стараясь не шуметь, но получалось плохо. Под ногами хлюпала земля, трещали сухие ветки, позади шуршали безликие.

Саня держал факел. Пламя постепенно уменьшалось.

— Сань, — прошептал Димка.

— Что?

— Если они на дыхание реагируют...

— Не начинай.

— Нам же надо дышать.

— Я заметил.

— А если задержать?

— Попробуй. Потом расскажешь.

Они миновали первый ряд могил.

На плитах не было имён.

Только знаки.

Овалы.

Черты.

Круги.

И некоторые надписи, которые Саня не мог прочитать, но почему-то понимал краем сознания. Одна плита шептала: **мать забыла лицо сына**. Другая: **солдат не дошёл до двери**. Третья: **он отдал имя за воду**.

Саня отвернулся.

— Не читать, — сказал он.

— Что? — спросил Димка.

— Надписи. Не читать.

— Там же ничего нет.

Саня посмотрел на него.

Димка моргнул.

— В смысле... знаки какие-то.

Значит, видел не все.

Или только Саня понимал.

Знак на ладони снова занял.

— Прекрасно, — пробормотал он. — Ещё и подписка на местную газету.

Позади раздался резкий хруст.

Саня обернулся не головой — плечом, боковым зрением.

Один из безликих приблизился слишком быстро. Он полз на четвереньках, как паук, выворачивая суставы. Щель на лице раскрылась почти до ушей.

— Жи-и-ивой...

Саня махнул факелом.

Пламя лизнуло серую кожу. Мертвец отпрянул, но не упал.

Факел почти догорел.

— Плохо, — сказал Саня.

— Что плохо? — спросил Беспалый.

— Всё.

Дорога была уже близко.

Тёмная, утопанная, с колеями. Но колеи были не от машин. Слишком узкие, слишком глубокие, будто по ним веками таскали телеги с тяжёлым грузом.

Когда Саня ступил на дорогу, мертвецы остановились.

Все разом.

Они стояли среди могил, гладкие лица повернуты к троим живым. Щели ртов шевелились, но звука не было.

Димка выдохнул.

— Они не идут.

— Пока, — сказал Саня.

Беспалый сел прямо в грязь на краю дороги.

— Всё. Я больше не могу.

Саня хотел ответить, но в этот момент впереди, из тумана, донёсся скрип колёс.

Медленный.

Протяжный.

Деревянный.

Потом — цокот копыт.

Но лошадей видно не было.

Саня поднял монтировку.

— Ну конечно. Нам же мало.

Из тумана показалась повозка.

Старая, высокая, с деревянными бортами. Колёса были окованы ржавым железом. Вместо лошади впереди тянулось что-то тёмное и костлявое, похожее на скелет животного, обтянутый серой кожей. На козлах сидел человек в широкополой шляпе и длинном плаще.

Лица под шляпой не было видно.

Повозка остановилась в десяти шагах.

Кучер медленно повернул голову.

— Живые на дороге, — сказал он хрипло. — Редкость.

Саня крепче сжал монтировку.

— А ты кто?

Кучер склонил голову.

— Тот, кто возит тех, кто ещё помнит, куда шёл.

— Нам домой надо.

Кучер тихо засмеялся.

— Всем надо.

— Довезёшь?

— Дорога не любит пустых рук.

— Денег нет.

— Деньги здесь гниют быстрее мяса.

— Тогда что надо?

Кучер поднял руку. Пальцы у него были длинные, сухие, в серых перчатках.

— Имя. Воспоминание. Кровь. Тень. Выбирайте.

Беспалый зашептал:

— Нет. Нет, Саня, не надо.

Димка смотрел на кучера круглыми глазами.

Саня сплюнул в грязь.

— А за сырок доведёшь?

Кучер замолчал.

Очень надолго.

Потом повернул голову чуть набок.

— Что?

Саня достал из кармана грязный плавленый сырок в помятой фольге.

— Сырок. Почти новый. Земной. Раритет, считай.

Димка медленно закрыл лицо рукой.

Беспалый прошептал:

— Ты идиот.

Кучер протянул руку.

Саня не двинулся.

— Сначала скажи, куда эта дорога ведёт.

— К Порогу.

— Что там?

— Те, кто решают, куда живым идти дальше.

— Люди?

— Иногда.

— Мёртвые?

— Часто.

— Нормально.

Кучер снова протянул руку.

Саня бросил ему сырок.

Тот поймал его, поднёс к лицу, словно нюхал, хотя лица под шляпой всё равно не было видно. Потом аккуратно спрятал в складках плаща.

— Странная плата, — сказал он. — Но дорога приняла.

Саня посмотрел на мертвецов у могил. Они всё ещё стояли и слушали.

— Садимся, — сказал он.

— Ты уверен? — спросил Димка.

— Нет.

— Тогда почему?

— Потому что пешком мы здесь недолго протянем.

Беспалый с трудом поднялся. Саня помог ему забраться в повозку. Димка сел рядом, прижимая к себе сумку с инструментами. Саня забрался последним, не выпуская монтировку.

Внутри повозки пахло сухой травой, пылью и старой костью. На дне лежали серые мешки. Один из них тихо шевельнулся.

— Это что? — спросил Димка.

— Не трогай, — сказал кучер.

— А что там?

— Те, кто трогал.

Димка убрал ноги под себя.

Повозка тронулась.

Колёса заскрипели. Костлявое животное впереди издало звук, похожий на кашель. Дорога поползла под ними, могилы начали медленно отступать.

Саня сидел у борта и смотрел назад.

Нет.

Не назад.

В сторону, откуда они приехали.

Остатки гаража уже растворялись в тумане. Универсал почти не виднелся. Только багровое небо отражалось в его треснувшем стекле.

На крыше машины стояла девочка в сером платье.

Она смотрела на Саню.

В одной руке у неё была красная варежка.

Другой она махнула ему.

Саня не махнул в ответ.

Он только отвернулся и посмотрел на свою ладонь.

Знак глаза потемнел.

А из его середины поднялась тонкая струйка дыма.

Чёрного.

Совсем тонкая.

Почти незаметная.

Но Саня видел.

И где-то очень глубоко, под скрипом колёс, под дыханием Беспалого, под шёпотом кладбищенского ветра, он снова услышал тот самый голос:

— Смотри, Хантер. Теперь ты между.

Глава 4. Не тот рассвет

Повозка ехала долго.

Или минуту.

Или несколько часов.

В Сумраке время вело себя как старый двигатель после кривого ремонта: вроде работает, но стучит не там, дымит не оттуда и в любой момент может заглохнуть.

Саня сидел у борта, держал монтировку на коленях и старался не смотреть на мешки под ногами. Один из них время от времени шевелился. Не сильно — так, будто внутри кто-то во сне пытался повернуться на другой бок. Димка каждый раз вздрагивал. Беспалый притих окончательно и сидел, прижавшись к борту, с лицом человека, который уже десять раз пожалел, что родился индивидуальным предпринимателем.

Кучер молчал.

Его спина в длинном плаще казалась слишком прямой. Шляпа закрывала голову почти целиком, и из-под полей не было видно ни шеи, ни затылка. Костлявая тварь впереди тянула повозку медленно, но ровно. Копыта — если это были копыта — стучали по дороге глухо, будто не по земле, а по крышке гроба.

По обе стороны дороги тянулись могилы.

Сначала Саня пытался не обращать на них внимания. Но могилы не позволяли. Они были всюду: под кривыми деревьями, на холмах, в низинах, у самой дороги. Одни свежие, с влажной землёй и торчащими комьями травы. Другие старые, провалившиеся, заросшие серым мхом. На некоторых стояли кресты. На некоторых — каменные плиты без имён. На некоторых — просто палки, воткнутые в землю и обмотанные чем-то похожим на выцветшие бинты.

Небо оставалось багровым.

Не светлело и не темнело.

Оно просто висело над миром, как огромная рана, которая никак не затянется.

Саня всё ждал, что вот сейчас горизонт дрогнет, облака разойдутся, появится нормальное солнце, и весь этот бред окажется дурным сном. Но горизонт не дрожал. Облака не расходились. Солнца не было.

Был Сумрак.

Саня осторожно посмотрел на свою ладонь.

Знак глаза потемнел. В центре, где должен был быть зрачок, кожа казалась тоньше. Не дырка, нет. Но неприятное ощущение было такое, будто если приглядеться слишком долго, можно увидеть сквозь собственную руку что-то с другой стороны.

Он сжал кулак.

— Не нравится мне это, — сказал он.

Димка нервно посмотрел на него.

— Что?

— Всё.

— Мне тоже.

Беспалый тихо проговорил:

— Надо было полицию вызвать.

Саня повернул к нему голову.

— Серёга, если ты ещё раз скажешь про полицию, я тебя лично высажу к тем ребятам без лиц. Пусть они заявление принимают.

Беспалый сглотнул и замолчал.

Кучер тихо засмеялся.

Смех был сухой, как шелуха.

— Живые всегда зовут тех, кто не придёт.

Саня поднял взгляд.

— Ты много знаешь для таксиста.

— Я не таксист.

— А кто?

— Возчик.

— О, извиняюсь. Пряма профессия с перспективой.

Кучер чуть повернул голову.

— Перспектива у всех одна. Просто дорога разная.

— Философы тут, смотрю, тоже есть.

— Здесь есть всё, что заблудилось.

Саня не ответил.

Ему не нравился этот разговор. Не потому, что кучер говорил загадками — к загадкам он уже начал привыкать. Плохо было другое: каждая фраза этого существа будто цеплялась за внутренности. Слова звучали не как слова, а как старые гвозди, которыми прибивают крышку.

Димка осторожно спросил:

— А куда вы нас везёте?

— К Порогу.

— А Порог — это что?

Кучер молчал так долго, что Саня решил: не ответит.

Но тот всё-таки сказал:

— Место, где Сумрак решает, кого оставить.

У Беспалого дёрнулась щека.

— А кого не оставить?

Кучер не повернулся.

— Тех, кто случайно упал.

Повозка скрипнула.

Саня медленно выпрямился.

— Повтори.

— Тех, кто случайно упал, — сказал кучер. — Дорога не любит лишний груз.

Димка побледнел.

— Мы... лишний груз?

Саня резко сказал:

— Никто тут не груз.

Кучер снова засмеялся.

— Ты говоришь, как живой.

— А ты как страховой агент перед отказом в выплате.

— Трое пришли через дверь. Один несёт глаз. Один продал дорогу за деньги, которых здесь нет. Один просто шёл следом.

Беспалый тихо прошептал:

— Нет...

Димка сжал сумку с инструментами.

— Сань?

Саня не смотрел на них. Он смотрел в спину кучеру.

— И что это значит?

— Сумрак возьмёт своё.

— А если я против?

Кучер чуть повернул голову. Под полями шляпы мелькнула темнота.

— Ты уже между. Тебя слушают. Но пока не слышат.

— Значит, буду говорить громче.

— Громкие здесь живут недолго.

— Зато весело.

Повозка вдруг остановилась.

Не плавно — резко, будто колёса упёрлись в невидимую стену. Димка едва не свалился с лавки. Беспалый вскрикнул и схватился за борт. Мешки под ногами зашевелились сильнее.

Саня поднял монтировку.

— Приехали?

Кучер не ответил.

Впереди дорога уходила в низину. Там стоял туман — густой, белёсый, с красным отсветом внутри. Он не стелился по земле, а висел стеной. В самой середине тумана чернел силуэт арки.

Каменная арка без стен.

Старая.

Высокая.

Покрытая трещинами, мхом и какими-то знаками.

За аркой ничего не было видно.

Только багровое мерцание.

— Порог, — сказал кучер.

Беспалый задышал чаще.

— И что теперь?

Кучер медленно поднял руку и указал на арку.

— Идти.

— Все? — спросил Саня.

— Кто сможет.

Эта фраза Сане не понравилась сильнее предыдущих.

Он прыгнул с повозки. Ноги утонули в мокрой земле. Дорога здесь стала мягкой, почти болотистой. Под подошвами что-то хрустнуло. Саня посмотрел вниз и увидел обломок кости.

Маленькой.

Может, звериной.

Может, нет.

— Выходите, — сказал он.

Димка слез первым, прижимая к себе сумку с инструментами. Беспалый спускался долго, ругался сквозь зубы, берёг повреждённую ногу. Саня помог ему, хотя Серёга сначала попытался отмахнуться.

— Не геройствуй, — сказал Саня. — Ты даже в нормальном мире плохо ходишь, когда трезвый.

— Пошёл ты.

— Вот, уже лучше. Значит, живой.

Кучер не двигался.

— Дальше пешком? — спросил Саня.

— Дальше каждый сам.

— А ты?

— Я возил.

— И всё?

— Плата принята. Долг закрыт.

— За сырок?

Кучер повернул голову. Под шляпой опять не было лица, только сухая тень.

— Не за сырок.

Саня напрягся.

— А за что?

Кучер поднял руку.

В длинных серых пальцах лежала не помятая фольга от плавленого сырка.

А что-то маленькое, тёмное, блестящее.

Саня не сразу понял.

Потом похолодел.

Это был болтик.

Обычный болтик с сорванной резьбой. Маленький, грязный, ничем не примечательный.

Но Саня узнал его.

Он лежал когда-то в старом металлическом ящике отца. Саня в детстве таскал его в кармане почти месяц — просто потому, что отец сказал: «Не выбрасывай. Иногда самая бесполезная железка потом оказывается нужной». Потом болтик потерялся. Саня даже не помнил, когда.

А теперь он был в пальцах кучера.

— Откуда? — тихо спросил Саня.

— Дорога берёт не то, что дают руками, — сказал кучер. — А то, что забыли, но всё ещё носите.

Саня шагнул к нему.

— Верни.

— Поздно.

— Я сказал, верни.

Костлявая тварь впереди повозки повернула череп. В пустых глазницах вспыхнул тусклый красный свет.

Кучер спокойно сказал:

— Не трать злость до настоящей драки, Хантер.

Саня остановился.

Монтировка в руке стала тяжёлой.

Димка тихо спросил:

— Сань, что он забрал?

— Ничего, — резко сказал Саня.

Но внутри стало пустовато.

Глупо. Из-за какого-то болтика. Железки, которую он не вспоминал лет двадцать.

И всё равно пустовато.

Кучер спрятал болтик в плащ.

— Идите.

Повозка скрипнула, развернулась сама собой и медленно покатила назад, в туман кладбищенской дороги. Мешки под ногами зашевелились, один из них тихо застонал человеческим голосом. Димка отшатнулся.

Саня смотрел вслед, пока повозка не растворилась среди могил.

Потом повернулся к арке.

— Ну что, туристы. Пошли.

Беспалый с трудом переставлял ноги.

— Может, обойдём?

Саня посмотрел по сторонам.

Слева и справа от арки туман стоял плотной стеной. В нём виднелись тёмные силуэты деревьев. И ещё что-то. Длинное. Сутулое. Неподвижное.

Будто ждали, что кто-то попробует пойти не туда.

— Не думаю, — сказал Саня.

Димка сглотнул.

— А если там хуже?

— Будет сюрприз.

— Ты всегда так успокаиваешь?

— Я автомеханик, а не психолог.

Они пошли к арке.

С каждым шагом воздух становился холоднее. Не просто холоднее — тоньше. Дышать стало труднее. Туман впереди шевелился, будто в нём плавали невидимые рыбы. Знаки на камнях арки начали проступать ярче. Саня не хотел их читать, но некоторые всё равно цеплялись за взгляд.

Тот, кто пришёл с именем, выйдет без него.

Тот, кто пришёл случайно, станет дорогой.

Тот, кто несёт глаз, не должен моргать.

— Прекрасно, — пробормотал Саня. — Даже стены тут с угрозами.

— Что? — спросил Димка.

— Не читай.

— Я не могу. Там просто царапины.

Беспалый вдруг остановился.

— Я не пойду.

Саня обернулся.

— Пойдёшь.

— Нет.

— Серёга.

— Нет! — Беспалый почти закричал. — Я не пойду туда! Я не хочу! Я не знаю, что там! Я хочу обратно! В гараж, в город, куда угодно! Я не должен здесь быть!

Туман вокруг дрогнул.

Где-то сбоку тихо зашуршало.

Саня шагнул к нему и схватил за куртку.

— Слушай сюда. Здесь никто не должен быть. Но мы здесь. И если ты сейчас начнёшь орать, к нам опять придут эти гладкомордые. Или что-нибудь похуже. Поэтому берёшь свою ногу, свой страх и тащишь их вперёд. Понял?

Беспалый смотрел на него бешеными глазами.

— Это ты виноват.

Саня сжал зубы.

— Потом обсудим.

— Она ждала тебя!

— Да.

Это слово вырвалось само.

Беспалый замолчал.

Димка тоже.

Саня отпустил Серёгу.

— Да, похоже, ждала меня. Но в бокс эту машину притащил не я. Амулет руками взял я. Провалились все. Виноватых искать будем, когда выживем. Сейчас двигаемся.

Беспалый дышал часто, со свистом.

— Ты не понимаешь...

— Понимаю. Ты боишься. Я тоже.

— Ты не похож.

— Потому что у меня лицо такое с детства.

Димка неожиданно коротко усмехнулся.

Саня посмотрел на него.

— Ты чего?

— Ничего. Просто... звучит как правда.

— Она самая. Пошли.

Они подошли к арке.

Туман внутри неё был гуще, чем снаружи. Белый, плотный, с красными прожилками. Он не рассеивался от дыхания. Наоборот — тянулся к лицам, к глазам, к открытым ртам.

Саня поднял монтировку.

— Я первый.

— Почему ты? — спросил Димка.

— Потому что я, видимо, главный идиот с глазом.

Он шагнул под арку.

Мир мгновенно пропал.

Нет дороги.

Нет Беспалого.

Нет Димки.

Нет кладбища.

Только белый туман и звук собственного дыхания.

Саня сделал ещё шаг.

Под ногой что-то хлопнуло.

Он опустил взгляд и увидел не землю, а воду. Чёрную, неподвижную, доходившую до щиколоток. В воде отражалось багровое небо, хотя сверху был только туман.

— Димка? — позвал Саня.

Голос прозвучал глухо, будто он говорил через ватное одеяло.

Ответа не было.

— Серёга?

Тишина.

Саня медленно повернулся.

Позади тоже был туман.

Арки не было.

— Ну конечно, — сказал он. — Классика жанра.

В воде перед ним что-то всплыло.

Сначала он подумал — палка.

Потом понял: рука.

Серая, тонкая, с размокшей кожей.

Она поднялась из воды и схватила его за ботинок.

Саня ударил монтировкой. Рука хрустнула, но не отпустила. Из воды вылезла вторая. Потом третья. Пальцы цеплялись за штанину, за подошву, за край куртки.

В тумане послышался шёпот:

— Живой...

— Тёплый...

— Имя...

— Дай имя...

Саня рванул ногу, но вода стала вязкой, как масло. Чёрная жижа поднялась почти до колен. В ней шевелились бледные лица — без глаз, с распухшими губами, с волосами, плавающими вокруг голов как водоросли.

— А вот хрен вам.

Он ударил монтировкой по ближайшей голове. Та лопнула с мокрым звуком, но вместо крови из неё вырвался пар. Пар сложился в короткое слово:

Александр

Саня замер.

Шёпот усилился.

— Александр...

— Александр...

— Александр...

Имя поползло по туману, как насекомые по стене.

Саня почувствовал резкую слабость. Будто кто-то открыл в нём кран и начал сливать тепло, память, силу. Знак на ладони вспыхнул болью.

Он сжал кулак.

— Не моё.

Шёпот стал громче.

— Твоё...

— Твоё имя...

— Отдай...

В воде поднялось лицо отца.

Не настоящее. Не живое. Серое, распухшее, с закрытыми глазами. Но всё равно отец. Та же тяжёлая линия подбородка. Те же тёмные брови. Та же складка у рта.

Лицо открыло глаза.

Вместо глаз была чёрная вода.

— Саша, — сказал отец.

Саня ударил сразу.

Не думая.

Монтировка вошла в лицо по самую середину. Оно разошлось, как мокрая глина. Но голос остался.

— Саша...

Саня зарычал.

— Не зови меня так.

Из тумана донёсся смех.

Детский.

Тот самый.

— Не имя держит живого, — сказала девочка. — А то, на что он откликается.

Саня резко оглянулся.

Девочка стояла на воде в нескольких шагах. В сером мокром платье, босая, с одной красной варежкой. Вторая рука была голая, синяя от холода.

— Ты опять? — прохрипел Саня.

— Я не могу уйти далеко.

— Очень жаль. Я как раз надеялся.

— Они хотят твоё настоящее имя.

— Пусть подавятся.

— Не отвечай на него.

— Я понял уже.

— Нет, — сказала девочка. — Не понял. Здесь имя — не слово. Здесь имя — дверь.

Вода поднялась выше.

До бедра.

Руки из воды цеплялись всё сильнее. Одна схватила Саню за ладонь со знаком. Боль пронзила руку до плеча. Знак глаза раскрылся — не физически, но Саня почувствовал, как что-то внутри него моргнуло.

Туман дрогнул.

Шёпот изменился.

— Хантер...

— Хантер...

— Хантер...

На этот раз слабость отступила.

Саня сам не понял почему. Слово «Хантер» звучало иначе. Не как крючок. Как железка, за которую можно держаться.

Девочка тихо сказала:

— Вот.

Саня стиснул зубы.

— Что «вот»?

— Это имя ты выбрал сам.

— Да это куртка была палёная.

— Здесь не важно, почему. Важно, что ты отозвался.

Саня выдернул руку из мёртвой хватки, ударил монтировкой по запястьям, шагнул вперёд. Вода сопротивлялась, но слабее. Шёпот продолжал звать:

— Александр...

— Саша...

— Сын...

— Должник...

— Одинокий...

Он не отвечал.

Он шёл на голос девочки.

— Где выход? — спросил он.

— Туда, где не смотришь назад.

— Отлично. Очень конкретно.

— Ты не должен искать тех, кто упал с тобой.

Саня остановился.

— Что?

Девочка смотрела на него чёрными глазами.

— Они не твоя дорога.

— Они люди.

— Здесь это ненадолго.

— Где они?

— Один уже торгуется.

— Серёга?

— Он всегда торговался.

Саня почувствовал холод в груди.

— А Димка?

Девочка опустила голову.

— Он зовёт мать.

— Значит, надо их вытаскивать.

— Если пойдёшь за ними, отдашь имя.

— Плевать.

— Тогда ты не выйдешь.

Саня шагнул к ней.

— Слушай, мелкая. Я не знаю, кто ты такая. Призрак, проводник, глюк этой местной канализации. Но если думаешь, что я брошу пацана только потому, что у вас тут правила такие, то плохо меня изучила.

Девочка смотрела на него долго.

Потом сказала:

— Это и есть причина, почему глаз выбрал тебя.

— Да пошёл он.

— Он тоже слышит.

— Пусть записывает.

Саня развернулся.

И сразу понял, что сделал ошибку.

Туман за спиной раскрылся.

Не исчез — именно раскрылся, как рот.

За ним мелькнули образы.

Димка стоял на кухне. Не в Сумраке — в обычной кухне, тёплой, жёлтой, с занавесками. За столом сидела женщина лет пятидесяти, полная, уставшая, в домашнем халате. Она чистила картошку и говорила:

— Димочка, ну куда ты опять? Посиди дома.

Димка плакал.

Не как взрослый. Как ребёнок.

— Мам, я не хочу там быть.

Женщина подняла голову.

Лица у неё не было.

Только гладкая кожа.

Саня рванулся вперёд, но вода схватила его за ноги.

Другая картинка.

Беспалый сидел за столом в каком-то кабинете. Перед ним лежали деньги. Много денег. Пачки, перевязанные резинками. Напротив сидел человек в тёмном пальто. Лица не видно. Только руки — длинные, сухие.

— Подпиши, — говорил человек.

— Что это? — спрашивал Беспалый.

— Выход.

— Для меня?

— Для тебя.

— А они?

— Они уже списаны.

Беспалый взял ручку.

Саня заорал:

— Серёга! Не трогай!

Но голос утонул в тумане.

Беспалый поднял голову, будто услышал. На секунду его лицо стало нормальным — испуганным, живым. Потом он посмотрел куда-то за спину Сани.

И тихо сказал:

— Прости, Хантер.

Он подписал.

Туман вспыхнул красным.

Вода под Саней провалилась.

Он упал на колени уже не в воде, а в грязи.

Арка была позади.
Настоящая земля под руками. Кладбищенская дорога. Багровое небо. Холодный ветер.
Саня тяжело дышал.
Мокрый до пояса, с грязью на лице, с монтировкой в руке.
Рядом никого не было.
Ни Димки.
Ни Беспалого.
Только сумка с инструментами лежала у обочины.
Димкина сумка.
Саня медленно поднялся.
— Димка!
Голос ушёл в туман и не вернулся.
— Серёга!
Тишина.
Он сделал шаг назад к арке.
Знак на ладони вспыхнул болью так, что Саня едва не выронил монтировку. Внутри головы раздался сухой голос кучера:
— Каждый сам.
— Да заткнись ты, — прошипел Саня.
Он всё равно шагнул к арке.
Туман внутри стал чёрным.
Не серым.
Не белым.
Чёрным, как дым из амулета.
Из глубины донёсся Димкин голос:
— Сань...
Саня замер.
— Димка?
— Сань, помоги...
Голос был совсем рядом.
Потом с другой стороны прозвучал голос Беспалого:
— Хантер, вытащи меня...
Саня сделал ещё шаг.
И тут оба голоса заговорили одновременно.
Одинаковыми словами.
Одинаковой интонацией.
— Назови себя, и мы выйдем.
Саня остановился.
Холод прокатился по позвоночнику.
— Ах вы твари.
Голоса стали мягче.
— Просто скажи имя...
— Настоящее...
— Одно слово...
— И мы вернёмся...
Саня смотрел в чёрную арку.
Внутри что-то двигалось. Большое. Невидимое. Терпеливое.
Он сжал монтировку.
— Меня зовут Хантер.

Туман зашипел.

— Не то...

— Не настоящее...

— Не полное...

— Не твоё...

Саня сделал шаг назад.

— Как раз моё.

Арка дрогнула.

На камнях проступили новые надписи. Теперь он видел их ясно:

ЛИШНИЕ СТАЛИ ПЛАТОЙ.

НОСИТЕЛЬ ПРОШЁЛ.

ГЛАЗ ОСТАЛСЯ ОТКРЫТ.

Саня несколько секунд смотрел на эти слова.

Потом ударил монтировкой по камню.

Раз.

Другой.

Третий.

Искры не посыпались. Камень не треснул. Только рука заболела сильнее.

— Сука, — тихо сказал он.

Не громко.

Без ярости.

Почти спокойно.

И от этого самому стало хуже.

Он подобрал Димкину сумку. Она была тяжёлая. Внутри звякнули инструменты, бутылка воды, моток проволоки, фонарь. Саня повесил её через плечо.

Теперь он был один.

Как и должен был быть, если верить этой местной мерзкой логике.

Только легче от этого не стало.

Он пошёл по дороге.

Кладбище тянулось дальше, чем хватало глаз. Туман расступался перед ним узкой полосой и смыкался позади. Могилы стояли молча. Мёртвые деревья скрипели ветками, хотя ветра почти не было.

Через какое-то время Саня заметил, что дорога изменилась.

Колея исчезла.

Под ногами теперь была сухая серая пыль. Она липла к ботинкам, поднималась при каждом шаге и оседала на штанах. Пахла пеплом.

Слева лежал детский велосипед.

Маленький, красный, с погнутым рулём. Одно колесо медленно вращалось, хотя ветра не было.

Саня остановился.

— Нет, — сказал он. — Не сейчас.

Колесо перестало вращаться.

Где-то впереди прозвучал смех.

Не детский.

Женский.

Тихий и далёкий.

Саня поднял монтировку и пошёл дальше.

Вскоре могилы стали плотнее. Они уже не просто стояли рядами — они теснились к дороге, как люди в очереди. Плиты наклонялись над тропой. Кресты цепляли рукава. На неко-

торых могилах лежали вещи: ржавые ключи, сломанные часы, фотографии без лиц, детские ботинки, пустые бутылки, окурки, очки с разбитыми стёклами.

Саня старался не смотреть.

Но одна плита всё равно поймала взгляд.

На ней не было имени.

Только дата.

Дата смерти отца.

Саня остановился.

— Нет.

Дата стала ярче.

Под ней проступила надпись:

ОН ЖДАЛ, ЧТО ТЫ ПРОСТИШЬ.

Саня сжал челюсти.

— Врёшь.

Буквы поплыли.

Теперь надпись изменилась:

ОН НЕ ЖДАЛ НИЧЕГО. ТЫ САМ ЭТО ПРИДУМАЛ.

Саня ударил по плите ногой. Камень качнулся, но не упал.

— Не лезь ко мне в голову.

Соседняя могила зашуршала.

Саня резко повернулся.

Земля на ней вздулась.

Сначала чуть-чуть.

Потом сильнее.

Из влажной серой земли показались пальцы.

Слепые мертвецы.

Он уже видел таких — безликих, с гладкой кожей, реагирующих на дыхание. Но эти были другими. Их лица не были гладкими. Наоборот: слишком много деталей. Морщины, губы, провалившиеся щёки, зашитые веки. Глаза у всех были закрыты плотной серой плёнкой, будто их замазали воском.

Они не видели.

Но слышали.

Первый мертвец поднял голову и принялся.

Саня замер.

Дыхание.

Он вспомнил.

Мёртвые реагируют на дыхание живых.

Вторая могила вскрылась.

Третья.

Пятая.

Из земли начали подниматься тела.

Медленно, неловко, как люди после тяжёлого сна. Они стояли между плитами, поворачивали головы, ловили воздух. Один щёлкнул зубами. Другой провёл языком по губам. Третий поднял руку и указал прямо на Саню.

Нет.

Не на него.

На пар изо рта.

Саня понял, что слишком громко дышит.

Он задержал дыхание.

Мертвецы замерли.

Все разом.

Саня стоял посреди дороги, с монтировкой в руке, с сумкой на плече, с горящим знаком на ладони. Лёгкие сразу начали требовать воздуха. Сердце стучало так громко, что казалось — мертвецы услышат и его.

Один из них шагнул ближе.

Саня не дышал.

Второй повернул голову.

Не дышать.

Третий склонился к земле, будто нюхал следы.

Не дышать, мать вашу.

Лёгкие жгло.

В глазах поплыли пятна.

Саня медленно, очень медленно сделал шаг назад.

Пыль под ботинком хрустнула.

Мертвецы дёрнулись на звук.

Саня замер.

Один из них открыл рот. Внутри не было языка. Только чёрная пустота.

— Жи...

Саня сорвался.

Он резко выдохнул и рванул вперёд.

Мертвецы бросились за ним.

Теперь они двигались быстро. Не как люди, а как механизмы, у которых сорвали ограничители. Руки вытянулись. Пальцы скребли воздух. Защищенные веки дрожали. Рты открывались, ловя его дыхание.

Саня бежал между могил.

Сумка била по боку. Монтировка мешала. Пыль лезла в горло. За спиной шуршали десятки ног.

Он перепрыгнул через проваленную могилу, поскользнулся, ударился коленом, но поднялся. Один мертвец схватил его за рукав. Саня ударил монтировкой наотмашь. Рука отлетела, как сухая ветка. Мертвец не закричал — только раскрыл рот шире.

— Да отстаньте вы!

Впереди виднелось мёртвое дерево. Толстое, чёрное, с раздвоенным стволом. От него в сторону уходил старый железный заборчик, местами поваленный. Саня увидел шанс.

Он добежал до забора, схватил моток проволоки из сумки, размотал на ходу. Руки сами делали то, что умели. Не магия. Не геройство. Обычная гаражная смекалка.

Проволоку вокруг дерева.

Второй конец к железному столбику.

Натянуть ниже колена.

Быстро.

Быстрее.

Первый мертвец налетел на проволоку и рухнул. Второй споткнулся об него. Третий повалился следом. Остальные наткнулись, сбились в кучу. Несколько всё равно полезли через тела.

Саня достал зажигалку и ветошь.

Ветошь была сырая.

— Ну давай, родная...

Щёлк.

Ничего.

Щёлк.

Синий огонёк вспыхнул и погас.

Мертвецы ползли ближе.

— Давай!

Щёлк.

Пламя вспыхнуло.

Саня поджёг край ветоши и сунул её в сухую траву у дерева. Трава занялась плохо, но занялась. Огонь побежал по серым стеблям, лизнул проволоку, перекинулся на старый мох на крестах.

Мертвецы отпрянули.

Не все.

Один пролез через огонь и схватил Саню за ногу.

Пальцы были холодные и сильные.

Саня ударил монтировкой по запястью.

Раз.

Два.

На третий кость треснула. Он вырвался и отступил за дерево.

Огонь разгорался.

Пламя было странным — бледным, с синими краями. Оно почти не давало тепла, но мертвецы его боялись. Они стояли по ту сторону огненной полосы, раскрывали рты и слушали его дыхание.

Саня согнулся, упёрся руками в колени и жадно вдохнул.

— Вот вам... техника безопасности... твари...

Знак на ладони дымился.

Тонкая чёрная струйка поднималась вверх и растворялась в багровом воздухе.

Саня выпрямился.

Дорога дальше уходила к холму. На вершине холма стояли три высоких камня. Между ними что-то белело.

Сначала он подумал — ткань.

Потом понял: фигуры.

Три женские фигуры в белом.

Они стояли неподвижно, как статуи, и смотрели вниз, на него.

Даже с расстояния Саня увидел красные ленты на их одеждах.

Одна из женщин подняла руку.

Мертвецы за огнём замерли.

Потом начали медленно отступать в могилы.

Саня смотрел на холм.

Женщина в белом не опускала руки.

Ветер донёс до него голос.

Женский.

Спокойный.

Холодный.

— Человек с ключом дошёл до Порога.

Саня сплюнул в пыль.

— Да что ж вы все меня по должности называете...

Вторая фигура сказала:

— Он один.

Третья ответила:

— Значит, Сумрак уже взял лишних.

Саня сжал монтировку.

— Эй! — крикнул он. — Если вы про Димку и Серёгу, я вас сейчас сам лишними сделаю!
Женщины молчали.

Потом первая медленно сказала:

— У него есть злость.

Вторая:

— Есть вина.

Третья:

— Есть ключ.

Первая снова подняла руку выше.

— Подойдёшь сам, Хантер? Или нам нести тебя кровью?

Саня посмотрел на догорающую траву, на мертвецов, исчезающих в могилах, на свою дымящуюся ладонь, на бесконечное кладбище под больным красным небом.

Потом поправил сумку на плече.

— Сами вы кровью неситесь, — сказал он и пошёл к холму.

Каждый шаг давался тяжело.

Но теперь он хотя бы знал направление.

Не домой.

Пока нет.

К тем, кто, возможно, знал, что за хрень с ним происходит.

А если не знал — Саня собирался объяснить им всё очень подробно.

Монтировкой.

Глава 5. Могилы без имён

Холм

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.